

Сергей Шхиян

Покушение

Серия «Бригадир державы», книга 18

<http://www.fenzin.org> Вычитка: Lexashka

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156499

Покушение: АСТ, Северо-Запад Пресс; М., СПб.; 2007

ISBN 978-5-17-043289-9

Аннотация

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени отворились и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	32
Глава 3	57
Глава 4	82
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Сергей Шхиян

Покушение

Пролог

В середине июля 1799 года в центральной России установилась чрезвычайно жаркая погода. Солнце с безоблачного неба за долгий летний день раскаляло воздух так, что все живое старалось спрятаться в тени или жалось к воде. Даже птиц почти не было видно, кормились они только ранним утром и перед закатом, когда немного спадала жара. Только крестьяне были вынуждены целыми днями печься на открытых солнцу хлебных полях. Зерновые созрели и начали осыпаться, и промедление в жнивье грозило большими потерями урожая.

Как обычно, в жаркое время года, над бескрайними русскими равнинами бушевали ураганы и грозы. Дикое атмосферное электричество пугало людей своей безжалостной мощностью и неожиданностью. Оно, не находя исхода в высоких зданиях и громоотводах, которых в эту пору почти не встречалось, било куда придется, то в высокое дерево, то в церковную колокольню, а то и просто в корову на пастбище, или мужика в поле.

Грозовые тучи стремительно налетали, падали на землю

стеной дождя, но лишь только их уносило ветром, вода, так и не принеся прохлады, вновь поднималась с земли паром и возвращалась в выгоревшее от зноя небо. Тяжело приходилось дальним путникам в эту пору. Разбитый в прах лошадиными копытами суглинок грунтовых дорог поднимался в воздух, приставал тонкой пудрой к потным лицам, скрипел на зубах и забивал носы. Путешественники ворчали на «проклятую жару», ждали прохлады вечера и отдыха, чтобы оставить надоевшие седла, размять затекшие ноги и смыть с тел пыльно-соленую кору дальнего пути.

А путь был долгий. В карете, запряженной четверкой вороных жеребцов, ехала молодая женщина, ее сопровождал эскорт из двадцати кавалеристов. Карете и кортежу нужно было преодолеть почти тысячу верст по малонаселенной местности с северо-востока на северо-запад, в столицу Российской Империи город Санкт-Петербург. Ехали не спеша, что и не удивительно по такой жаре. Отдыхать, по возможности, останавливались в помещичьих усадьбах.

Провинциальным дворянам льстило оказывать гостеприимство кирасирам лейб-гвардии Его Величества полка, блестящим гвардейцам аристократических фамилий. Тотчас на редких гостей, съезжались со всей округи помещики с женами и взрослыми дочерьми на выданье, и начиналось обычное в таких случаях «махание». Так называли в то время ухаживание.

Пассажирка кареты, молодая женщина, окруженная та-

ким великолепным эскортом, была чрезвычайно скромна и в сельских приемах не участвовала. Время на стоянках она проводила в одиночестве, где-нибудь в глубине хозяйских покоев, и только если выпадал кортежу случай останавливаться на дорожных станциях или в простых крестьянских избах, ее можно было увидеть в романтическом окружении своих спутников. Тогда она без оглядки на соглядатаев, блесла своей скромной, неброской русской красотой, от которой у мужчин всех континентов обычно захватывает дыхание и которую сложно описать, ибо непонятно, чего в ней больше – нежности, обаяния или трепетной женственности.

Почти все кирасиры, кто тайно, кто явно, были в нее влюблены, но она не делала между ними различия, никого особо не выделяла и не приближала и, возможно, только этим поддерживала среди военных товарищеские отношения. Она вместе со своими спутниками путешествовала уже третью неделю, и ни у кого из тех, кто с ними встречался, наблюдал отношение дамы с военными, не возникло и тени сомнения, в том, что она не просто спутница храбрых гвардейцев, а арестантка, по приказу с самого верха государственной власти тайно перевозимая в столицу.

Звали таинственную даму Алевтиной Сергеевной Крыловой. О том, за что ее арестовали и почему для доставки в столицу жены никому не известного хуторного дворянчика отрядили такой внушительный конвой, кирасиры не знали. Возможно, что-то знал чиновник тайной полиции, надвор-

ный советник Ломакин, обладавший специальными полномочиями и откомандированный для выполнения ареста и тайной доставки Алевтины Сергеевны то ли самим государем, то ли кем-то из первых вельмож империи, но он сумел выполнить только первую часть задания, арест. Буквально в первую же ночь возвращения, Ломакин внезапно умер ночью от удара и унес тайну своего задания в могилу.

Командование странной экспедицией перешло к другому порученцу, флигель-адъютанту Татищеву. Заменяя полицейского чиновника, он поменял седло своего прекрасного ахалтекинского жеребца на место в карете, и трое суток ревностно охранял пленницу, ни днем, ни ночью не спуская с нее глаз. Однако и с ним случилось беда – он внезапно заболел животом и с подозрением на холеру был оставлен в небольшом уездном городе Зарайске на попечении отставного военного лекаря.

Следующий по должности штабс-ротмистр Денис Александрович Вяземский взял на себя командование экспедицией. Он в карету к пленнице не пересел, ехал вместе с товарищами верхом, и дальше Алевтина Сергеевна путешествовала в тюремной карете в одиночестве. Вяземский, как мог, старался делать пленнице приятное, не притеснял ее мелочными придирками, и вел себя не как вынужденный тюремщик, а как галантный русский офицер.

Крылова ценила рыцарство своих конвоиров, была с ними мила и вскоре, как уже было сказано, женская прелесть

и ровный дружелюбный нрав вынудил в нее влюбиться едва ли ни всех кирасиров. Только особый режим конвоирования вынуждал Вяземского прятать Алевтину Сергеевну от внимания досужих свидетелей, но когда была на то возможность, и не оказывалось посторонних, она своим присутствием украшала холостой быт военных.

О милой узнице конвоиры не знали чего-либо достоверного. Алевтина Сергеевна о своем прошлом ничего не говорила и ее жизнь представлялась сплошной тайной, хотя таковой не была, и еще незадолго до описываемых событий не представляла собой ничего интересного. Тогда ее звали Алевтинкой, и была она дворовой девушкой в имении небогатого помещика. Барин по имени Леопольд Африканович насильно выдал ее замуж за своего казачка, чтобы отвести того от своей пассии. Казачок барского произвола не снес и пустился с возлюбленной в бег. Кончилось это личной трагедией нескольких человек.

Казачка после поимки отдали в солдаты, свою крепостную возлюбленную Леопольд Африканович сгоряча продал проезжему дворянину, и сам от любовной тоски вскоре сошел в могилу. Так Алевтинка оказалась не девкой, не вдовой, не мужней женой. Скорее всего, все бы в ее жизни пошло по жестоким законам простой сельской жизни, когда молодая женщина оказывается без мужниной защиты, и становится игрушкой грубых мужских страстей, не случись попасть в их имение очень странному человеку по имени Алексей Кры-

лов.

Впрочем, странность его заключалась только в одном обстоятельстве. Он родился не в восемнадцатом, а в конце двадцатого века, и по легкомыслию и стечению обстоятельств переместился в это время. Молодые люди встретились, и, как часто случается, между ними зародилась любовь. Что привлекло друг к другу таких совершенно разных людей, можно рассуждать сколько угодно, и все равно не найти правильного ответа. Любовь — материя непонятная, мистическая, не поддающаяся не только математическому, но и логическому анализу. Кончился этот сельский роман необузданной молодой страстью и скромной свадьбой.

После венчания девка Алевтинка стала называться Алевтиной Сергеевной, вдруг вспомнила французский язык, который, оказывается, знала в детстве, и вообще оказалась весьма незаурядной личностью. И еще одно обстоятельство делало ее чрезвычайно интересной женщиной. После тяжелой болезни Алевтина Сергеевна начала слышать и понимать о чем думают окружающие люди.

Сложись все счастливо, на этом можно было бы кончить авантюрный роман и перейти к семейным хроникам, но спокойно жить молодой чете не удалось. Мужа, Алексея Григорьевича начали терроризировать какие-то таинственные сатанисты, а саму Алевтину Сергеевну арестовали непонятно за какое преступление и теперь везли в Петербург.

О странной судьбе этой женщины сохранились воспо-

минания, написанные ее собственной рукой. Издательство, приобретя рукопись, разделило ее на две части и представляет любезному читателю, часть сохранившегося текста. К сожалению, отдельные ее фрагменты оказались так испорчены временем, что не поддались расшифровке. Однако и то, что удалось прочесть, служит интересным памятником той давно прошедшей эпохе.

Глава 1

– Простите меня, сударыня, – заглядывая в карету, виновато обратился ко мне Иван Николаевич Татищев, – у меня внезапно захромала лошадь, и я оказался в совершенном конфузе. Не будете ли вы возражать, если я составлю вам компанию доехать до ближайшей кузницы?

– Если у вас в том есть нужда, Иван Николаевич, то я согласна, извольте садиться, – ответила я, освобождая ему рядом с собой место на широком каретном диване.

Флигель-адъютант легко поднялся по ступеням, ловко проскользнул в неширокую дверку, сел рядом со мной и улыбнулся так очаровательно, что кончики его усов произвели легкое движение снизу вверх и обратно.

По виду Татищеву было едва ли двадцать три года. Он был строен, хорош собой и принадлежал к древнему дворянскому роду, происходящему от князей Соломерских или Соломерецких, отрасли князей Смоленских. Предок их, Василий Юрьевич по прозвищу Тать-ищ, сын князя Юрия Ивановича Соломирского, был, по семейному преданию, наместником великого князя Василия Дмитриевича в Новгороде в начале XV столетия. Обо все этом, первым делом и поведал мне блестящий молодой человек.

Я слушала его заученный рассказ о родовом величии и вполне понимала, для чего он все это говорит. Иван Никола-

евич считал меня наивной провинциалкой и думал, что как только я узнаю, какой он знатный, то не решусь отказать его руке, погулять у меня под юбками.

Не нужно было обладать моей способностью, понимать чужие мысли, чтобы разобраться в его ближайших планах.

– Судя по имени, ваш предок, Иван Николаевич, был большим шельмой! – сказала я, когда он, наконец, перестал называть имена и чины своих выдающихся родственников.

– С чего вы это взяли, сударыня? – неприятно удивился флигель-адъютант.

– Позвольте, но слово «тать» всегда означало вора и разбойника. Видимо, у князя Соломирского один из сыновей был человеком весьма дурного поведения, ежели ему прилепилось такое прозвище, – насмешливо объяснила я.

Татищев про себя хмыкнул, но воображаемую руку из-под моей юбки убрал.

– А вы изволили бывать в Петербурге? – перевел он разговор на другую тему.

– Нет, я всю жизнь прожила в деревне, – ответила я.

– Забавно, – сказал он, никак не объяснив, что в том, что я не жила в столице, забавного. – Но теперь вы там, наверное, побываете.

– Это несомненно, если случаем не умру по дороге, – ответила я.

Сказала я это намерено. Мой первый тюремщик Ломакин имел недвусмысленный приказ помешать мне доехать до

столицы живой. И если бы он внезапно не умер, когда мы с ним спали в одной постели, не знаю, писала бы я сейчас эти строки. Теперь я намеревалась выяснить, не было ли подобного приказа и у Татищева.

– Чего вам умирать? – засмеялся он. – Вам в ваши годы только жить и жить!

Ни одной тайной мысли по поводу моей судьбы или причины ареста в голове у него не возникло. Думал в эту минуту Иван Николаевич исключительно о форме моей груди. Кажется, эта часть женской фигуры волновала его больше остальных дамских прелестей.

– В жизни случается всякое, – объяснилась я, – вдруг нас сейчас поразит гром небесный!

– Господи, что это вы такое говорите, – недовольно сказал спутник, невольно прислушиваясь, не слышна ли поблизости гроза. Потом меня успокоил. – Молния редко попадает в человека, ежели, конечно, он не прячется под высоким деревом.

– Не скажите, – покачала я головой, – иной раз и попадает. У нас в деревне не то, что человека, как-то убило свинью.

Татищев подумал, что я очень своеобразная женщина, но мысли о возможном приятном развитии нашего знакомства не оставил.

– Все в руках Господа, – подытожил он спор. – Вам не жарко в крытом экипаже? Может быть, прикроем завесы на окошках, чтобы не так пекло солнце?

– Тогда здесь будет душно, а мне не хватает свежего воздуха, – сразу же пресекла я поползновения уединиться от любопытных взоров нашего конвоя.

Разговаривать нам больше оказалось не о чем, и он лениво придумывал тему, которая могла бы меня заинтриговать. То, что я скоро буду его, он ничуть не сомневался и самоуверенно думал, какой он молодец и стоит ему поманить пальцем, как смазливая провинциалка растечется перед ним как кисель по столу.

– А балы вы, любезная, Алевтина Сергеевна, изволите любить? – наконец нашел он, о чем со мной можно поговорить.

– О чем вы? Какие балы? Я еще совсем недавно была крепостной крестьянкой! Мне ближе посиделки и коровник, чем менуэты.

Такого откровенно небрежного признания он от меня никак не ожидал.

– Вы – крестьянкой? Так это правда? – не удивился, а скорее испугался он. – То есть, вы хотите сказать, что вы... были?.. Ну, я хочу сказать...

– Именно. Я была крепостной крестьянкой, иначе говоря – холопкой, и умею доить коров, – спокойно ответила я. – Вы знаете, что такое корова?

– Корова? – глупо переспросил он. – Это, кажется, такое животное?

– Совершенно справедливо, для флигель-адъютанта вы удивительно сообразительны, – подтвердила я, демонстри-

тивно теряя к нему всякий интерес.

Татищев вспыхнул, хотел ответить резкостью, но вовремя сдержался. Кажется, только теперь он посмотрел на меня с интересом. Однако я отстраненно смотрела в окно и не обращала на него внимания.

Ну, погоди, чертовка, сердито подумал он, я покажу тебе, как надо мной смеяться! Ничего, посмотрим, что ты запоешь ночью! Тогда-то я с тобой поговорю по-другому!

— И каково это — доить коров? — стараясь, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно, спросил он. — Кажется, они ужасно плохо пахнут?

— Так же как и люди, когда сильно потеют и плохо моются, — не оглядываясь, ответила я.

Для нежного флигель-адъютанта намек оказался достаточно, и он незаметно отодвинулся от меня на самый край сидения.

Дальше мы ехали молча. Он тихо меня ненавидел и придумывал самые язвительные замечания, но вслух их не произносил. Мне было забавно наблюдать, как его недоброжелательный интерес ко мне все возрастает. Это и не удивительно, для столичного аристократа было необычно, что его таким образом ставит на место мужичка. Наконец Татищеву надоело вести со мной внутренний монолог. Он решил смирлостивиться, и снисходительно, спросил:

— Я слышал, вы недавно вышли замуж?

— Да, — подтвердила я, — за очень достойного человека,

причем безо всяких сомнительных предков.

От такой оплеухи Иван Николаевич очухался не сразу, а когда придумал, как мне достойно ответить, я повернулась к нему и с ласковой улыбкой спросила по-французски:

– А вы, Иван Николаевич, любите балы? Говорят, что они в этом сезоне в Петербурге не модны?

Он смешался, посмотрел на меня, как на чудо морское, и пробурчал себе под нос что-то совершенно невнятное. Я ничего не заметила и продолжала ласково ему улыбаться.

– Да, государь не любит праздных развлечений, – наконец смог придумать он хоть какой-то ответ. – Дворяне должны выполнять свой долг и служить престолу, а не выплясывать на балах. Хотя он иногда и сам присутствует на придворных вечерах.

Хотите, я расскажу вам пару забавных анекдотов...

– Да, конечно, только как-нибудь в другой раз, когда у нас с вами будет общий досуг, – ответила я.

Анекдоты, которые он решил мне рассказать, я прочитала в его мыслях, они были не слишком остроумны и приличны. Флигель-адъютанта опять споткнулся на полуслове и окончательно рассердился.

– Воля ваша, – надменно заявил он, отвернулся и начал смотреть в окно.

Я не стала ему мешать и занялась своими проблемами. Мой арест был непонятен и нелогичен. Правда, пока он не нес угрозу жизни, а только женской чести, лишить которой

меня все больше хотел Иван Николаевич, но, тем не менее, когда мы доберемся до Петербурга, как там сложится моя судьба, я не знала.

Случись со мной такое несчастье еще месяц назад, до того, как я научилась проникать в чужие мысли и черпать из них информацию, я, несомненно, сошла бы с ума от страха, рыдала с утра до ночи и, кланяясь блестящему графу в пояс, величала его не иначе, как «батюшкой-барином».

Теперь, благодаря знаниям, почерпнутым у мужа, человека совсем другой эпохи, я совсем иначе представляла себе жизнь и отношения между людьми. Может быть, именно поэтому так легко и непринужденно обращалась с самоуверенным флигель-адъютантом.

А он, между тем, сердито смотрел в окно кареты и клялся сам себе, что как только ему перекуют лошадь, сразу же переседет в седло и перестанет меня замечать. Вот тогда-то я пойму, как много потеряла, не ответив на его искренние и невинные знаки внимания. После того, как Татищев окончательно решил больше со мной не разговаривать, неожиданно для самого себя спросил:

– Вы мне давеча сказали, что вы крестьянка, откуда тогда ваш прекрасный французский?

– А что, разве французские крестьяне разговаривают по-русски?

– Но вы же отнюдь не француженка, а совсем наоборот, русская! – довольный собственной проницательностью, ули-

чил он меня в нелогичности и сам рассмеялся шутке.

– Вы полагаете? – ответила я, и мы засмеялись вместе.

Тотчас в оконце кареты возникла мужская голова в медном шлеме, и к нам в карету заглянул штабс-ротмистр Вяземский. Ему было скучно и он искал повод хоть как-то рассеяться.

– Иван Николаевич, что-нибудь случилось? – спросил он Татищева.

– Да вот, Алевтина Сергеевна говорит, что французские крестьяне не могут говорить по-русски, – продолжая смеяться, ответил тот.

Вяземский глубокомысленно сморщил нос, и, не поняв, что я сказала смешного, меня поддержал.

– А откуда бы им знать русский язык, если они французы?

Теперь мы смеялись втроем, причем безо всякого повода. Просто мы были молоды, и от того нам стало весело.

– А как, голубушка, вы меня остро подцепили с предком, – отсмеявшись и с удовольствием глядя на меня, добродушно заговорил Иван Николаевич, – ведь, правда ваша, тать – слово ругательное.

После этого разговора наши отношения наладились, и флигель-адъютант больше не смотрел на меня, как на провинциальную дурочку и легкую добычу. Конечно, обо мне, как о женщине, он думать не перестал, но тут уж ничего не поделаешь, видно, такова наша печальная женская доля и их мужская сущность. Однако делал он теперь это не грубо, а

даже с известной деликатностью, как о приятной мечте.

Между тем жара все усиливалась, и к трем часам пополудни стало так душно, что в нагретейшей на солнце карете стало решительно нечем дышать. Теперь уже не только Иван Николаевича можно было укорить за потный запах. Я сама чувствовала, что самое большое удовольствие, которое я могла сейчас получить, это купание в прохладной реке.

– Бедные кирасиры, им в медных доспехах сейчас совсем плохо, – сказала я, обмахивая лицо платком покойного Ломакина. – Почему они их не снимут, на нас же не собирается напасть никакой враг?

– Такое совершенно невозможно, – серьезно объяснил Иван Николаевич, – военные должны легко сносить тяготы службы. Форма их полка такова и ее нельзя менять по своему произволению.

– А ежели нам встретится река, им можно будет в ней купаться?

Флигель-адъютант задумался, сам не нашел ответа и позвал в окно Вяземского. Тот поехал рядом, пригнулся к холке коня, заглядывая обветренным и загорелым до красноты лицом в карету.

– Денис Александрович, – спросил его Татищев, – кирасирам во время похода купаться дозволено?

– Купаться? – озадачено, переспросил Вяземский. – Не припомню такого параграфа в новом кавалерийском уставе. Да и где здесь купаться, когда кругом одно поле!

– А если нам встретится река? – вмешалась в разговор я.

– Если глубокая, то дозволено, – с улыбкой, подсказал командирю совсем юный корнет. – Мы сами можем и не купаться, а просто помыть в ней лошадей.

– Да, жара стоит чрезвычайная, – пожаловался флигель-адъютант, – как бы ни начались лесные пожары.

На этом разговор оборвался. Я откинулась на спинку дивана и попыталась хоть ненадолго вздремнуть. Иван Николаевич смотрел на меня с сочувствием и, чего уж таить, с нежностью. Думал он о том, как мне тяжело переносить дальнюю дорогу, жару и искренне желал, чтобы нам встретилась деревня, в которой можно было бы переждать зной. Однако крутом, сколько хватало взгляда, простирались заросшие кустарником пустоши, и не было никаких признаков человеческих поселений.

– Алевтина Сергеевна, не желаете ли попить водицы? – спросил Татищев, лишь только я открыла глаза.

– Нет, благодарю вас, Иван Николаевич, я предпочитаю терпеть, чтобы не дразнить жажду, – ответила я.

Думаю, дамы меня поймут. Много пить я никак не могла себе позволить. Ехать одной в сопровождении стольких мужчин и все время просить останавливать карету в чистом поле, я не могла из женской стыдливости.

– Скорее бы добраться до какого-нибудь жилья, – вполне понимая мои трудности, сочувственно сказал флигель-адъютант.

В наш разговор вмешался Вяземский. Он откуда-то при- скакал на взмыленном жеребце и радостно крикнул:

– Я нашел реку! Она тут совсем недалеко от дороги!

Кавалеристы радостно загалдели и, не дожидаясь коман- ды, наперегонки, поскакали в указанном направлении. Наш кучер остановил лошадей и нагнулся к переговорному окош- ку, не зная можно ли следовать за ними.

– Давай, голубчик, гони следом, – приказал флигель-адъ- ютант. – Только смотри, куда едешь, и не опрокинь экипаж!

Кучер радостно крикнул форейтору погонять, кони рва- нули, и карета затряслась по неровной почве навстречу же- ланной прохладе.

Только теперь я подумала о новой своей проблеме, можно ли мне купаться, находясь под арестом, к тому же, как это делать, имея вокруг себя такой блестящий эскорт!

– Похоже, штабс-ротмистр имеет к вам большую симпа- тию! – стараясь побороть ревность, будто между прочим, сказал мой конвоир.

– Вы думаете? – наивно удивилась я. – Мне так не кажется, к тому же он меня почти не замечает.

– Ваше высокоблагородие, дальше никак не проехать, крикнул Татищеву кучер, останавливая лошадей, – соблаго- волите пройтись дальше своими ножками!

– Вот незадача, – недовольно начал говорить Татищев, но подозрительно взглянул в мою сторону и, опасаясь насмеш- ки, тотчас поправился, – вам придется идти по траве, не дай

бог, изорвете о кусты платье.

– Ничего, я постараюсь быть осторожной, – радостно воскликнула я и без его помощи, выскочила из экипажа.

После духоты кареты на свежем ветерке мне показалось даже прохладно. Река неширокая, но живописная оказалась совсем близко. Кирасиры, забыв или не зная нового Павловского устава, сбрасывали с себя доспехи и одежду и весело перекликались в предвосхищении купания. Я смотрела больше не на них, а на реку и не сразу поняла, что раздеваются они донага, а когда увидела, быстро повернулась к купальщикам спиной.

– Однако, это уже слишком, – огорченно сказал флигель-адъютант, наблюдавший ту же картину. – Не соблаговолите ли, Алевтина Сергеевна, пройти чуть дальше, здесь, кажется, слишком крутой берег.

– Охотно, – сразу же согласилась я и, не поворачивая головы в сторону смеющихся и радостно кричащих парней, пошла вдоль берега.

Иван Николаевич поспешил следом за мной, ругая себе под нос бессовестную молодежь. Мы прошли саженой пятьдесят, до небольшой излучины, так что теперь только слышали, но уже не видели нескромных купальщиков.

– Вот здесь, пожалуй, вам будет удобнее, – сказал Татищев, помогая мне спуститься к воде.

Я остановилась на травянистом берегу, не очень представляя, что мне теперь делать. Вода манила прохладой, но ку-

паться в присутствии флигель-адъютанта я не собиралась. Самая большая моя беда была в том, что меня арестовали внезапно, не дав собраться. Просто насильно посадили в экипаж и увезли. Потому я оказалась совсем не готова к длительному путешествию. Из всей одежды у меня было только одно легкое летнее платье, надетое почти на голое тело.

– Какой живописный вид! – сообщил мне, глядя вдаль, Татищев немного изменившимся от волнения голосом, думая при этом...

Именно то, что в таких обстоятельствах думают все нормальные мужчины.

– Чрезвычайно живописный, – легко согласилась я, любясь небольшой спокойной рекой с удивительно прозрачной водой, через которую виднелось дно, заросшее густыми водорослями и стайкой пескарей, застывшей над одним местом.

– Вы можете купаться тут, – с показным равнодушием предложил Татищев, – а я посторожу, чтобы вам никто не помешал.

– Не стоит беспокоиться, – примерно тем же тоном, отказалась я. – Возвращайтесь к кирасирам, я справлюсь и сама.

– Как можно, милая Алевтина Сергеевна, – быстрее, чем следовало, возразил он, – не забывайте, я за вас в ответе перед государем!

– Если вы боитесь, что я убегу, то напрасно. Отсюда бежать просто некуда. А государю, думаю, до меня очень ма-

ло дела, ему нужно управлять великой империей, а не заниматься бывшими крепостными крестьянками!

— Ну, зачем вы так! — почти обиделся Татищев. — Никто вас в побеге не подозревает, я только забочусь о вашей безопасности. И насчет крестьянства, простите, *madame*, но шутка уже стара.

Я не приняла его упрека, прикоснулась рукой к рукаву и умоляющим голосом попросила:

— Иван Николаевич, дорогой, уйдите, пожалуйста, мне так хочется в воду, а при вас я все равно не решусь раздеться!

Татищев замялся.

Благородство боролось в нем с мужским любопытством и глупыми надеждами, и все-таки победило. Он молча поклонился, пробормотал:

— Как вам будет угодно, — и, не оглядываясь, пошел по берегу в сторону шумной компании.

Я, не в силах дожидаться, когда он скроется за излучкой реки, быстро сбросила с себя платье и прямо с берега бросилась в воду.

Вода после знойного воздуха показалась прохладной, но скоро я привыкла и с наслаждением погрузилась в нее прямо с головой. Думаю, нет смысла рассказывать, какое наслаждение получило измученное жарой тело.

Не успела я вынырнуть, как рядом с моей головой оказалась мокрое испуганное лицо флигель-адъютанта. Я не столько испугалась, сколько удивилась его неожиданному

появлению.

– Иван Николаевич, вы же обещали! – сердито воскликнула я.

– Я думал, вы тонете! – скороговоркой, сказал он, глупо вытаращивая глаза, и скрылся под водой.

Я решила, что ему сделалось стыдно, и он специально нырнул, чтобы не видеть моей наготы. Однако Татищев, не поднимая головы, вдруг начал беспорядочно махать руками, пускать пузыри, потом он сдвинулся на глубокое место и пошел ко дну. Только тут я поняла, что он совсем не умеет плавать. Разом забыв, в каком нахожусь виде, я бросилась ему на помощь. Флигель-адъютанта все дальше затягивало от берега. Он продолжал размахивать руками, но не всплывал, а удалялся от берега.

Я испугалась, хотела позвать на помощь наших кирасиров, но вовремя сообразила, что они до нас просто не успеют добежать. И еще, когда я мельком представила, что меня застанут без одежды, начала спасать флигель-адъютанта самостоятельно. Сама я плавала не очень хорошо, скорее, просто умела держаться на воде, и спасти человека мне было очень трудно. Но отчаянье придало силы, и я сделала самое правильное в такой ситуации, нырнула, вцепилась ему в волосы и, что есть силы, работая свободной рукой и ногами, потянула Татищева к берегу.

Бедняга наглотался воды, растерялся и почему-то пытался у меня вырваться. Только когда мы оба достали ногами дна,

и он смог поднять над водой голову, то перестал мешать и посмотрел вокруг безумными от ужаса глазами.

– Идите к берегу, – отпустив его взъерошенные волосы, попросила я, испугавшись, что он потеряет сознание и мне еще придется вытаскивать его из воды.

Иван Николаевич пытался отдышаться и не двигался с места. Мне пришлось взять его за руку и, преодолевая сопротивление воды и его затуманенного сознания, тащить за собой. Я напрягалась, ноги скользили и путались в водорослях. Наконец мы выбрались на сушу и оба без сил опустились на траву. Татищева начало рвать, а я на коленях поползла к своей одежде.

Быстро одеться мне не удалось, ткань платья липла к мокрому телу, я торопилась и путалась в складках. Татищев уже освободился от воды и даже попытался сесть. Наконец я справилась с платьем и смогла к нему подойти. Флигель-адъютант был бледен как смерть и мелко дрожал.

– Вы сума сошли? Зачем вы полезли в воду, если не умеете плавать?! – сердито спросила я.

– Но вы же тонули, – ответил он, едва шевеля сизыми, дрожащими губами. – Когда вы упали в воду и скрылись...

– Не упала, а нырнула! Нечего было за мной подглядывать, тогда бы ничего не случилось!

– Я не подглядывал, – обиженно ответил он, – когда вы упали, нырнули, я испугался, что вы тонете!

– Ладно, что было, то было, считайте, что мы просто ис-

купались, – прекратила я напрасные препирательства.

– Получается, что не я вам, а вы спасли мне жизнь! – подумав с минуту, сказал Татищев. – И как я в таком виде вернусь, они меня, – он посмотрел в сторону, где купались наши спутники, – просто поднимут на смех!

– Тогда не нужно никому ничего говорить, – решила я проблему мужской гордости.

– А мое платье? Оно же совершенно мокрое!

– Тогда скажем, что это вы меня спасали, хотя...

Я подумала, что мое спасение может обойтись Ивану Николаевичу неприятностями в будущем, и не договорила. Те, кому почему-то нужна моя смерть, вряд ли будут в восторге от подвига мнимого спасителя. Поэтому предложила другой выход:

– Или давайте подождем здесь, пока высохнет ваш сюртук. Все равно сейчас ехать слишком жарко. Вы оставайтесь здесь, разденьтесь и сушите одежду, а я отойду, мне нужно помыться.

– Да, да конечно, – без сопротивления согласился он, – спасибо...

Оставив Татищева сушиться и приходить в себя, я отошла на безопасное расстояние и нашла удобный спуск к воде. Теперь можно было не спешить, и я решила продолжить купание. Какое-то время кругом было тихо. Я, почти перестав опасаться нежелательных соглядатаев, с удовольствием выкупалась, наслаждаясь водой и прохладой. Когда замерз-

ла, вылезла на берег и устроилась на травке, в тени плакучей ивы.

Мне было в тот момент удивительно хорошо. Кругом дивные запахи лета и луговой травы, тишина, только чуть слышно плещется вода о берег и трещат цикады. От однообразия звуков, я незаметно для себя задремала.

Такое случилось со мной второй раз в жизни. Сон был яркий, как вспышка, и необыкновенно реальный. Вроде бы лежу на траве, а он неслышно подходит ко мне, присаживается на корточки и низко наклоняется. Когда я открыла глаза, он смотрел на меня, загадочно улыбаясь.

– Это опять вы? – спросила я, сразу же его узнав. Он уже однажды снился мне и то, что происходило между нами в тот раз, было замечательно. Однако я не показала вида, что мне приятно его присутствие и сердито сказала: – Вам не стыдно так подкрадываться и смотреть на меня? Уходите, разве вы не видите, я не одета!

– Вижу, – засмеялся он, – но что тут такого, ты же помнишь меня? Нам было хорошо вместе!

– Помню, но это ничего не значит. То, что вы делаете, очень плохо!

– Если ты гонишь меня, я уйду и не буду тебе мешать, – легко согласился он, вставая на ноги.

Теперь он оказался выше ивового куста, и его голова исчезла в его кружевной тени. Я видела только голые мускулистые ноги и что-то вроде набедренной повязки, небрежно

повязанной на чресла. Меня вид сильных мужских ног и бедер приятно возбудил.

– Так мне уходить или остаться? – спросил он откуда-то сверху и мышцы ног напряглись, как бывает перед первым шагом.

– Уходите, – преодолевая томную слабость, попросила я.

Признаюсь, сделала я это так не убедительно, что он остался стоять на месте. Я тут же представила, как он насмешливо улыбается, продолжая беззастенчиво рассматривать меня. Мне сделалось стыдно, и в то же время почему-то приятно.

– Может быть, все-таки мне лучше остаться? – спросил он. Вспомни, как нам было хорошо вдвоем!

– Я знаю, только тогда это был сон!

– А вдруг я и сейчас тебе всего лишь снюсь?

– Правда? – почему-то обрадовалась я. – Тогда от того, что вы здесь, мне не должно быть стыдно?! Сны ведь от нас не зависят?

– Зависят, – подумав, ответил он. – Ведь ты можешь открыть глаза, проснуться и тогда я сразу исчезну.

Не знаю почему, но просыпаться мне очень не хотелось. Я придумала компромисс.

– А если я встану и оденусь? Тогда ты сможешь остаться, и мы будем просто разговаривать.

– Хорошо, вставай если сможешь, – сразу же согласился он.

Я попыталась подняться, но во всем теле была такая ленивая, сладкая истома, что у меня ничего не получилось.

– Я не могу, – с трудом ответила я.

– Алевтина Сергеевна, что с вами? – спросил он изменившимся голосом.

Я удивилась и открыла глаза. Наклонившись, надо мной стоял не мускулистый фавн, а Иван Николаевич Татищев.

– Господи, да как вам, в конце концов, не стыдно! – закричала я, вскакивая как ошпаренная. – Что вы на меня так смотрите? Вы что, никогда раздетых женщин не видели!

– Видел, – виновато ответил он, – то есть, я не то хотел сказать. Я вас зову, зову, а вы не откликаетесь. Вот я и испугался, что с вами что-то случилось!

– Но теперь-то вы видите, что со мной все в порядке! Тогда почему не отворачиваетесь?! – возмутилась я.

– Да, простите, я совершенно случайно, я растерялся, – забормотал он и быстро повернулся ко мне спиной.

Я опять, как могла, быстро оделась.

– Уже седьмой час, пора ехать, – объяснялся Татищев, – все собрались, а вас все нет. Мне пришлось отправиться на поиски. Ей богу, я и в мыслях не держал за вами подглядывать!

– Так уж и не держали! – проворчала я. – Будто я не знаю! Флигель-адъютант замолчал, и вдруг сознался:

– Ну, если я и надеялся опять на вас полюбоваться, то совсем немножко. Ведь я вас уже один раз все равно видал,

когда мы друг друга спасали...

Мне стало смешно слушать его сбивчивые оправдания, да и в мыслях у него не было ничего такого, что могло меня оскорбить. Кажется, флигель-адъютант был в меня уже немного влюблен, и ни о чем таком больше не помышлял.

– Ладно, – смилостивилась я, – я уже одета, теперь можете повернуться. Ваша одежда высохла?

– Да, вполне. Вы знаете, как я вам благодарен за спасение! Никогда себе не прощу, что до сих пор не научился плавать!

Глава 2

Уже в темноте мы доехали до почтовой станции. Мне показалось, что повторяется ситуация первой ночи под арестом. Помещений для отдыха проезжающих на крохотной станции было мало, в сущности, всего две комнаты. В одной, большой, вповалку легли спать кирасиры, во второй – мы с Татищевым.

Тот раз я ночевала под строгим надзором надворного советника Ломакина. Кровать тогда была одна, и нам пришлось лечь с Ломакиным вместе. Это вынужденное соседство спасло мне жизнь, я узнала, что он собирается меня убить, и, соблазнив его, сумела предотвратить непоправимое. Теперь мне ничего не угрожало, и лечь в одну постель вместе с флигель-адъютантом я не собиралась. Решила, что если не будет другого выбора, лягу спать на голом полу.

Однако Татищев, когда мы с ним остались вдвоем, повел себя на удивление предупредительно. Ивану Николаевичу даже в голову не пришла мысль воспользоваться ситуацией и принудить меня лечь с ним вместе. Чтобы между нами не возникло недоверия, он сразу же, как только мы осмотрели комнату, приказал станционному смотрителю принести ему сенник и одеяло. Тот не осмелился перечить столичному гостю и без лишних разговоров выполнил наказ.

После нашего совместного купания между нами сами со-

бой установились дружески-влюбленные отношения. Я была сама доброжелательность, Татищев ненавязчиво за мной ухаживал. Едва мы поужинали, как окончательно стемнело, и нужно было укладываться. Иван Николаевич вежливо вышел из комнаты и долго не возвращался, давая мне возможность привыкнуть почувствовать себя в безопасности. Я за это время вполне успела подготовиться ко сну, привела в порядок волосы, разложила на столе, чтобы не помялось, свое единственное платье, и спряталась под одеяло.

Татищев вернувшись, тихо разделся и растянулся на своем сеннике. Я сделала вид, что уже сплю, а сама наблюдала, как он лежит на полу, закинув руку за голову, и смотрит в потолок. Думал он обо мне, при том так хорошо, что я не посмела подслушивать и закрыла глаза. Однако уснуть не смогла, и начала вспоминать свои странные видения на берегу реки.

То, что это не были обычные грезы одинокой женщины, соскучившейся по мужской ласке, я почти не сомневалась. В прошлый раз такой же сладостный сон мне приснился в тревожную ночь, когда меня пытались убить. Теперь это произошло днем, видимой угрозы не было, однако я все равно встревожилась. Что-то во всех этих сладострастных сновидениях было порочное и опасное. В первый раз сон затянул меня в водоворот страсти, и я по своей воле, правда, этим спасая жизнь, изменила мужу, которого очень люблю.

– Интересно, она уже спит? – подумал флигель-адъютант,

и я невольно переключилась на его мысли. — А что, если я ей не совсем безразличен! Сегодня вечером в карете она была со мной мила и не подкалывала, как обычно. В конце концов, я не так уж безобразен, чтобы ей совсем не обращать на меня внимание.

Я насторожилась и решила не оставлять его планы и намерения без надзора. Иван Николаевич приподнялся со своего сенника и посмотрел в мою сторону. В комнате было темно, и ничего интересного ему рассмотреть не удалось. Он, а вместе с ним и я, увидел возле стены кровать и на ней под одеялом силуэт спящего человека. Мне стало интересно смотреть на себя чужими глазами, и я невольно включилась в игру.

— Как она застеснялась, когда я застал ее голой! Она так крепко спала и в такой пикантной позе, — с удовольствием вспомнил он. — Зря я так быстро ее разбудил, зрелище было великолепное. Интересно, что ей тогда снилось? Скорее всего, что-то любовное.

— Как он смог догадаться? — рассердившись на себя, подумал я.

— А что, если все-таки попробовать? Без нахальства, а как бы невзначай. Пожалуюсь на одиночество, скажу, что никто меня не любит, и я всю жизнь мечтал о такой, как она. Вдруг я ей нравлюсь, и она меня не оттолкнет! бог знает этих женщин, что и в какую минуту им взбредает в голову. Как у меня славно этой весной сложилось с эмигранткой, французской маркизой! Как ее звали? Кажется, Мария Терезия Жофрэн.

Я думал, что она меня терпеть не может, но как только мы с ней на минуту остались одни!..

Конечно, слушать гнусные откровения Татищева я не стала. Кому приятно узнавать мерзкие подробности о недостойном поведении еще недавно симпатичного тебе человека. Однако он так живописно вспоминал о своих непотребных отношениях с развратной француженкой, что я никак не могла избавиться от его навязчивых мыслей. Наконец все это мне так надоело, что я решила прервать поток его безнравственных воспоминаний и спросила:

– Иван Николаевич, вы еще не спите?

Он так обрадовался простому вопросу, будто я уже пригласила его полежать рядом со мной в постели.

– Нет, дорогая Алевтина Сергеевна, – ответил он трагическим голосом и тяжело вздохнул, – мне больше не до сна. Я теперь думаю только о вас!

– Зря, обо мне вам думать не стоит, лучше вспоминайте ваши недавние победы. Кажется, у вас нынешней весной был большой амур с какой-то пожилой французской эмигранткой? – не удержалась я от возможности отомстить ему за вынужденное участие в его пошлых воспоминаниях.

Татищев так испугался, что сразу же замолчал и больше не произнес ни слова. Он начал лихорадочно думать, от кого я могла узнать такую подробность его жизни. Его связь с замужней маркизой была тайной за семью печатями. Павел Петрович с его подозрительностью ко всему западному, ни-

когда бы не потерпел, чтобы его флигель-адъютант «махался» с иностранкой, а тем паче француженкой. Отмщенная, я, наконец, заснула.

Утром все моих конвоиров больше всего интересовало, было ли у нас что-нибудь с Татищевым. Конечно, никто не показывал и вида, но кирасиры только об этом говорили и отмечали каждый наш взгляд и слово. Однако унылый вид флигель-адъютанта скоро успокоил доблестных кавалеристов, и мой авторитет поднялся на недостижимую высоту.

С Иваном Николаевичем получилось все по-иному, он прятал глаза, старался обходить меня стороной и поспешил приказать перековать лошадь, чтобы нам не пришлось, как вчера, ехать вместе в карете.

Какое-то время я была довольна, что избавилась от нескромного поклонника, но скоро ехать одной мне стало скучно, и во время обеда я с Татищевым завела разговор о его «якобитском» увлечении.

– Я не знаю, откуда вы узнали о маркизе, – сказал он, – но поверьте, между нами совсем не было чувств. Совсем другое дело вы, Алевтина Сергеевна, я испытываю к вам глубокое уважение и самую искреннюю душевную привязанность!

– Вашу тайну я узнала совершенно случайно и никогда не стану ею против вас пользоваться, – успокоила я флигель-адъютанта. – Однако то, что вас с ней связывало, вызывает у меня самое неприятное отношение!

– Ах, тогда я еще не знал, что такое истинная любовь! –

вскричал он. – А вы сами, любили когда-нибудь?

– Я и сейчас люблю, – спокойно ответила я.

Татищев весь засветился от удовольствия и, в порыве приязни, перегнулся ко мне со своей стороны стола.

– Вы же знаете, что я замужем, – разом умерила я его порыв. – Нас с мужем связывают самые глубокие чувства!

– Ах, вы об этом, – разочаровано, произнес он. – С мужем оно, конечно, никто вас не станет за то строго судить. Однако раз его тут нет, а есть другие люди, готовые за вас совершить рыцарский подвиг, то, то... – он запнулся и замолчал, так и не придумав, что хорошего могут сделать эти другие, кроме как разделить со мной постель.

– Ежели вы говорите о таком подвиге, – поймала я его на слове, – расскажите, за что меня арестовали. Вы, как-никак, флигель-адъютант императора и должны знать, что происходит во дворце.

Иван Николаевич задумался. Я контролировала каждую его мысль, но никакой интересной для себя информации не обнаружила. Флигель-адъютант не знал, чем я провинилась перед государем, и ничем не мог мне помочь. Однако он очень хотел это сделать, стал придумывать, к кому можно обратиться за поддержкой и в голове его начали мелькать самые громкие российские фамилии. Так ничего током не придумав, он решил просто рассказать все, что знает о моем деле:

– Поверьте моей искренности, Алевтина Сергеевна, я со-

всем ничего не знаю по вашему делу. Перед тем, как мы отправились в поездку, меня вызвал граф Пален и от имени государя дал инструкции общего характера, коим я должен следовать. Поверьте, я предан вам всеми силами своей души и ежели у меня будет малейшая возможность облегчить вашу участь, не пожалею на то ни своей жизни, ни карьеры!

Речь его была пылка и искренна. Мне стало приятно, что у меня появился такой надежный союзник.

— Я рада, что у меня теперь есть такой верный друг, — сказала я, ласково ему улыбнулась и прикоснулась пальцами к лежащей на столе руке.

Иван Николаевич вспыхнул, попытался овладеть моими пальцами и с восторгом надежды посмотрел мне прямо в глаза. Чтобы не давать ему надежду, я тихо убрала свою руку и скромно потупила взор.

— Когда мы вернемся в Петербург, я смогу упросить своего батюшку составить вам протекцию, — пылко, воскликнул он. — Он командует Преображенским полком, и государь ему доверяет. Думаю, он мне не откажет!

После этого разговора о верховой езде им тотчас было забыто и дальше мы опять поехали вместе. Конечно, я ничего ему не позволяла, да это было невозможно при открытых занавесках и бдительном надзоре наших ревнивых конвоиров. Разве что иногда, когда к нам в карету никто не заглядывал, разрешала ему поцеловать мне руку.

В это раз на ночевку мы попросились в помещичье имение

отставного траншей-майора Павла Никитича Титова, дальнего родственника корнета Самойлова. Имение было изрядное, с селом в шестьсот с лишним душ. Конечно, оно не шло ни в какое сравнение с Завидово, имением, в котором меня арестовали и которое, как я надеялась, скоро будет принадлежать мне.

История перехода ко мне поместья Завидово проста. Мой муж вылечил после ранения на охоте его старого владельца Василия Трегубова. Однако тот отплатил нам черной неблагодарностью. Как только ему представилась возможность, он приказал своим слугам меня похитить и пытался силой принудить к сожительству. Я, благодаря своему дару, заранее узнала о его коварных планах и, по совету предсказателя Костюкова, приготовилась и держала при себе заряженный пистолет. Когда, потакая своей необузданной страсти, Трегубов попытался против воли овладеть мной, я под дулом пистолета заставила его переписать на себя все его имущество.

Теперь, став почти помещицей, я с живым интересом осматривала чужие имения, чтобы не опростоволоситься, когда мне самой придется управлять разнообразным имуществом. Однако толком увидеть поместье траншей-майора Титова мне не удалось. Кто-то из кирасиров, скорее всего родственник хозяина, не удержался и разболтал о моем арестантском положении. Весть о секретной узнице тотчас разнеслась по всему поместью, и чтобы не ходили глазеть на меня все кому ни лень, мне пришлось оставаться в одиночестве

в четырех стенах. Все мои спутники праздновали трогательную встречу помещика Титова со своим дальним родственником корнетом Самсоновым, а я в это время скучала взаперти даже без общества своего флигель-адъютанта!

До моей комнаты, располагавшейся на втором этаже в торце дома, издалека доносились веселые крики и смех. Представляя, что сейчас происходит в общем зале, я только тяжело вздохнула. Самое грустное, что обо мне как будто все забыли. Почему-то чужое веселье всегда навеивает печаль. Я, как могла, сопротивлялась ей, потом, больше от скуки, чем по необходимости отдохнуть, прилегла на широкую кровать под балдахином и попыталась заснуть. Однако сон ко мне не шел, а тут еще, как назло, послышалось стройное хоровое пение в сопровождении балалаек. Сначала хор пел подблюдные песни, потом затянул застольные.

Я поднялась и подошла к окну, выходящему в сад. На дворе уже совсем стемнело. Свечу я зажигать не стала, пододвинула к раскрытому окну стул, села, оперлась локтями о подоконник, и подперла рукой щеку. Прямо перед моей комнатой росло раскидистое дерево, его ветви почти касались стены и заглядывали в комнату.

Вечер выдался прохладный. После дневного зноя, казалось, все живое отдыхает. Я тихо сидела, дышала вечерней прохладой и слушала песни.

Не знаю почему, возможно оттого, что я была одна, или жалостных мотивов, но мне стало так себя жалко, что на

глаза навернулись слезы. Однако расплакаться я не успела. Неожиданно заметила, что совсем близко от окна, прячась в ветвях, из темной, густой листвы на меня смотрит человек. Лица его я не рассмотрела, заметила только глаза, которые, как показалось, со звериной цепкостью смотрят прямо мне в душу. Я вскочила и отпрянула вглубь комнаты.

Конечно, от неожиданности я сильно испугалась, но почти сразу, пересилив страх, вернулась проверить, кто набрался наглости за мной подсматривать. В комнате было темнее, чем в саду и в шаге от окна снаружи увидеть меня не могли. Я затаилась и вглядывалась в ночную тьму. За окном было тихо. Ни одна ветка не дрогнула, и вообще там ничего не происходило. Я решила, что человек на дереве мне просто померещился. Тем более что, если бы кто-нибудь прятался за окном, я в такой близости обязательно слышала его мысли.

Но, как я себя ни успокаивала, тревога не проходила. Чувство, что за мной наблюдают, не только пропало, но усилилось. Стараясь двигаться неслышно, я сделала шаг в сторону, укрылась за простенок и осторожно выглянула в окно. Однако рассмотреть что-либо в густых ветвях не смогла.

Самое правильное было пойти и позвать на помощь кого-нибудь из моих конвоиров. Но почему-то, я сама себе не могла этого объяснить, мне очень не хотелось вмешивать посторонних людей в это странное происшествие.

Собравшись с духом, я опять подошла к окну и, больше не таясь, посмотрела в сад. Там, где мне померещилось челове-

ческое лицо, были только ветви. Стараясь не волноваться, я опустилась на стул и приняла прежнюю, задумчивую позу. Внизу в зале, хор завел новую песню, но теперь мне было не до нее, я не отвлекалась, и прощупывал взглядом ветвь за ветвью.

Прошли не меньше пяти минут, пока я смогла присмотреться к переплетению ветвей и все-таки сумела разглядеть припавшую к стволу неподвижную человеческую фигурку. До нее от окна был совсем недалеко, меньше сажени. Человек был очень маленького роста, худой и как будто своим телом повторял ствол. Просто так, специально не приглядываясь, заметить его было невозможно.

Почему-то я сразу поняла, кто это может быть, и успокоилась. Мы с этим человеком уже сталкивались, причем, при похожих обстоятельствах. Когда я жила в имении Завидово, меня по приказу помещика Трегубова пытались несколько раз убить. Одним из таких подосланных убийц был человек необычно маленького роста по имени Евстигней. Ночь, когда я увидела его впервые, была очень теплая, под одеялом спать был жарко, и я, в чем мать родила, лежала поверх постели. Под утро, я проснулась и увидела в окне странное, до глаз заросшее волосами лицо, наши взгляды встретились, и он исчез. Позже выяснилось, что убийца до утра просто-ял на приставной лестнице, и просто глядел на меня в окно. У него было достаточно времени и возможности сделать со мной все, что угодно, но он не причинил мне никакого зла.

Одно это уже говорило в его пользу.

На следующий день мы с ним встретились во дворе имения, но Евстигней сделал вид, что никогда меня раньше не встречал. Еще мне казалось, что именно с ним связаны мои странные эротические сновидения.

Я ничем не показала, что его заметила, даже специально, чтобы не спугнуть, отвела взгляд в сторону. Конечно, то, что за мной подглядывают, было неприятно, но прогнать Евстигнея, если это был он, я не решилась. Знакомый предсказатель Костюков, меня предупредил, что вскоре я встречу с двумя мужчинами маленького роста. Один из них будет мне опасен, а другой будет меня оберегать. Первым был тот, кто, как я думала, приказал меня арестовать, император Павел, получалось, что вторым должен был быть именно этот Евстигней.

Пока я разбиралась со своим тайным защитником, хорошее пение кончилось, и в зале заиграла музыка. Я всего один раз в жизни слушала настоящую музыку, и была очарована ее красотой. Мне очень захотелось плюнуть на все аресты, назойливое внимание и отправиться вниз. Недолго думая, я зажгла свечу и начала перед зеркалом поправлять платье и волосы, но в последний момент благоразумие взяло верх и я никуда не пошла, осталась сидеть перед зеркалом.

Теперь, когда в моей комнате горел свет, увидеть в темноте сада Евстигнея я больше не могла и решила вести себя так, будто его просто не существует. Пусть он, если ему так хо-

чется, следит за мной, и сам ищет возможность встретиться. Время приближалось к полуночи, когда я собралась снова лечь. Я поправила постель, закрыла створки окна, задула свечу, разделась и легла. Мой ночной страж так себя и не обнаружил. Сна, как и прежде, не было. Не знаю, сколько прошло времени, пока я ворочалась с боку на бок, думаю часа два. Музыка к этому времени затихла. Я слышала хлопанье дверей, чьи-то шаги и разговоры за дверями, видимо гости Титова расходись по своим комнатам. Когда все утихло, и я начала засыпать, вдруг явственно скрипнула входная дверь. Я решила, что это пришел мой флигель-адъютант и, не открывая глаз, сказала:

– Иван Николаевич, уходите к себе, я уже сплю.

Татищев ничего не ответил и осторожно ступая, подошел прямо к постели. Я сквозь сон удивилась, что ему нужно. То, что он не будет пытаться сделать мне что-либо плохое, я не сомневалась и ничуть не испугалась. Подумала, он просто хочет поболтать и поделиться впечатлениями от званого вечера.

– Иван Николаевич, я только что уснула, давайте поговорим завтра, – попросила я и зарылась головой в подушку.

Он промолчал, а я опять уснула, да так крепко, словно куда-то провалилась. Что было потом, я помню с трудом. На меня сверху навалилась неимоверная тяжесть. Я попыталась освободиться, но не смогла даже пошевелиться. От оскорбительного чувства своего полного бессилия, я проснулась, но

и тогда не смогла понять, что происходит. Попробовала вырваться и закричать, но лицо было так плотно прижато к подушке, что не только крикнуть, я не смогла даже вдохнуть воздух.

Мелькнула страшная мысль, что меня пытаются задушить. Я уперлась руками в постель, начала вырваться и пытаться приподняться. Воздуха уже не хватало и начиналось удушье.

Не могу сказать, что меня очень напугал страх смерти или, как рассказывают те, кто такое испытал, перед глазами прошла вся жизнь. Смешно, но я думала не о том, что сейчас задохнусь и умру, а в каком виде меня найдут.

Я уже говорила, что арестовали меня так скоропалительно, что я оказалась в том, в чем была, в платье, надетом на голое тело. Мало того, что в дороге платье удручающе быстро снашивалось, и я постепенно превращалась в какую-то оборванку; мне совсем не в чем было спать! Не просить же было у лейб-гвардейцев купить мне ночную рубашу!

Неизвестный человек все давил и давил меня тяжелым телом, но я смогла все-таки извернуться и немного вздохнуть, после подумала, что он хочет меня не задушить, а лишить женской чести. Конечно, насилие было еще страшнее смерти, и я продолжила яростные попытки вырваться и позвать на помощь. Одеяло с меня слетело, и я отбивалась не только руками, но и ногами, понимая свою женскую беспомощность. Однако злоумышленник не предпринял никаких по-

пыткок ей воспользоваться и продолжал давить меня подушкой.

Я уже совсем задыхалась, и от отчаянья удвоила усилия вырваться. И вдруг хватка ослабла, я смогла немного повернуть голову и глубоко вздохнуть. Силы меня почти оставили и я лежала, повернув голову, и никак не могла надышаться. Противник больше ничего не предпринимал, он просто придавливал меня сверху и весь дрожал. Я не могла понять, что ему от меня нужно и решила, что на меня напал какой-то сексуальный маньяк.

Постепенно силы и сознание возвращались. Я сориентировалась, и ужом выползла из-под тяжелого тела на свободу. Поперек моей постели лицом вниз неподвижно лежал кто-то очень большой и хрипло, прерывисто вдыхал в себя воздух. Это был не флигель-адъютант, а совсем незнакомый мне человек. Я вскочила с постели и лицом к лицу столкнулась со своим недавним соглядатаем. Узнала я его сразу и по росту и по заросшему лицу.

– Это вы, что случилось? – не удивившись тому, что он почему-то находится у меня в комнате, спросила я.

– Он убийца, – ответил он нарочито спокойным голосом. – Хотел вас задушить.

Я еще раз посмотрела на большое, темное тело. Теперь мне стало понятно, почему мне удалось остаться живой. Из его спины торчала рукоять ножа.

– Мне кажется, я его никогда раньше не видела, – тоже

стараясь говорить спокойно и ровно, сказала я. — Кто он такой? Чего ради ему было меня убивать?

— Он приехал сегодня вечером, — объяснил Евстигней, — и показался мне подозрительным, потому я и сидел на дереве, мало ли что могло случиться...

Мы одновременно посмотрели на распахнутое окно. Каким образом Евстигней его открыл и попал в комнату, да еще и с дерева, я не поняла. Перед тем как лечь, я плотно затворила створки.

— Нужно кого-нибудь позвать на помощь, — не очень уверено, предложила я. — Что ему тут лежать!

— Я думаю, это плохая мысль, — мягко возразил он. — Вам будет трудно объяснить, как удалось убить ударом кинжала в спину полицейского чиновника.

— Он полицейский? — задала я глупый вопрос. — Тогда почему...

Дальше спрашивать не имело смысла. Мой первый убийца надворный советник Ломакин тоже был полицейским.

— А зачем он сюда приехал? — вместо этого спросила я и посмотрела на неподвижное тело.

— В столице, наверное, узнали о смерти первого чиновника, потому и прислали второго, — коротко ответил Евстигней.

— Да, правда, — согласилась я, — Татищев посылал нарочного в Петербург... И что же нам теперь делать? Может, хотя бы вытащим у него из спины нож?

— Пока нельзя, он тут все перепачкает кровью. Его нужно

унести из дома.

– Унести?! – чуть не засмеялась я, посмотрела на Евстигнея и представила себя. – Каким это образом? Да мы с вами его и с места не сдвинем!

Не знаю почему, но я начала разговаривать со своим спасителем на «вы», хотя он и был одет в крестьянское платье.

– Придется постараться. Если его здесь найдут, у вас будут очень большие неприятности! Меня все равно не поймают, а вас, – он не договорил и грустно покачал головой. – И нам нужно торопиться, скоро рассвет...

– Да, конечно, я понимаю, – согласилась я. – Я сейчас, только немного успокоюсь.

Только теперь я вспомнила, что на мне по-прежнему ничего не надето. Однако моего маленького спасителя это казалось, нисколько не волновало. Впрочем, он еще в Завидово имел возможность вдоволь наглядеться на мою наготу.

– А у вас что, нет никакой другой одежды? – спросил он, когда я собралась надеть свое многострадальное платье.

– Нет, вы что, не помните, как меня арестовали?

– Да, конечно. Я об этом как-то не подумал, – задумчиво ответил он.

Я хотела съязвить, что мужчинам всегда недосуг думать о женской одежде, но решила, что в моих бедах его вины нет, и промолчала.

– Так что мне делать? Платье у меня одно и если я его порву...

– А так вы пойти не можете? – неуверенно спросил он. – В Завидово у вас, кажется, получалось обходиться без одежды. Тамошний сторож, наверное, до сих пор всем рассказывает, что видел ночью голую ведьму.

– А как мы его отсюда вытащим? Выбросим в окно?

– Боюсь, что от этого будет слишком много шума, и мы всех перебудим. Придется тащить его через дом.

– Вы это серьезно? А если нас кто-нибудь увидит? Здесь одних кирасиров двадцать человек, да еще хозяева и дворня.

Мы молча посмотрели друг на друга, начиная до конца сознавать сложность предстоящей работы.

– Давайте, сначала зажжем свечу и посмотрим, какой он и что с ним можно сделать, – предложила я. – Если он слишком тяжел, нужно будет придумать какой-нибудь другой выход.

Евстигней занялся огнивом, а я, окончательно, оставив попытку надеть платье, села на стул возле окна и начала прикидывать, как нам лучше поступить. Предложение моего сообщника спрятать тело было правильным, но слишком трудно осуществимым. Сначала нужно было труп как-то вынести из дома, потом найти тайное место и надежно его спрятать. Сделать это в темноте, в чужом месте, к тому же не оставляя следов, было просто невозможно! Чем дольше я думала, тем менее вероятной казалась мне эта затея.

Наконец Евстигней зажег свечу и мы смогли рассмотреть убитого. Полицейский чиновник оказался крупным мужчи-

ной с широким задом, толстыми икрами и мощным загривком. Он стоял перед постелью на коленях. Его грудь лежала на том месте, где спала я, и лицом он, уже после смерти, уткнулся в подушку, которая должна была стать причиной моей смерти. Из-под левой лопатки страшно торчала круглая костяная рукоятка ножа. Удар был мастерски точный, прямо в сердце, и я невольно с инстинктивным страхом взглянула на своего спасителя. Он был спокоен и внимательно рассматривал убитого.

– Вы правы, он слишком большой, его в такое окно не протолкнуть, – примерившись, сказал он. – А что, если спрятать тело на чердаке. Пока его найдут, пройдет время...

– А вы знаете, как туда попасть? – с сомнением, спросила я.

– Ну, есть же здесь какой-нибудь лаз или люк, – неуверенно ответил он.

– Тогда зачем тащить его на чердак, лучше спрячем здесь же, – предложила я, оглядывая комнату.

Помещение, в котором меня поселили, было довольно большое, но мебели здесь было немного. Большая деревянная кровать со столбиками и под балдахином, на которой я спала, стол, несколько стульев, что-то вроде комода с множеством маленьких ящиков и большой старинный сундук с висячим замком. В него полицейский мог бы поместиться без труда, но у нас не было ключа.

– Давайте затолкаем его под кровать. Если сегодня не бу-

дут мыть полы, его не найдут, – выбрала я единственную из всех возможность.

– А мне больше нравится сундук, – сказал Евстигней. – Там он может пролежать хоть до второго пришествия.

– Но он же заперт, – показала я на замок.

– Тем лучше, значит, в него никто не сунется!

– А как его открыть? Я открывать замки без ключа не умею.

– Это как раз не самое трудное, – сказал мой маленький защитник и подошел к сундуку. Сначала он укрепил на полу свечу так, чтобы она освещала замок, потом покопался в карманах своего армяка и вытащил какой-то кривой гвоздь.

– Это старый и простой замок, – объяснил он, вставляя его в скважину. – Такие замки вешают для честных людей. Сейчас я его открою.

Я с интересом наблюдала, как он копается во внутренностях запора. Наконец Евстигней что-то нащупал у него внутри, сдвинул там какой-то рычажок и потянул за дужку. Замок послушно открылся. Мы вместе начали поднимать вверх массивную крышку, и она с противным скрипом не смазанных петель, открылась. Изнутри дохнуло запахом тленной старости и высохшей травой. Сразу же вокруг огонька свечи закружилось несколько бабочек моли.

– Поместиться, как будто специально для него сделали! – довольным голосом сказал Евстигней. – Ну, что с богом?

– Давайте, попробуем, – согласилась я.

Мы подошли к убитому и взяли его с двух сторон под руки. Тело оказалось таким тяжелым, что подняли его мы только с третьей попытки. Тащили мы полицейского, пятясь задом. Когда стянули с постели, голова сразу низко свесилась на грудь, и рассмотреть лицо я не смогла. Да, в тот момент мне было и не до прощания со своим погубителем.

– Осторожнее, – попросил Евстигней, когда я под тяжестью тела споткнулась на ровном месте.

Я не ответила, только согласно кивнула. Мы кое-как дотащили мертвеца до сундука, развернули тело, из последних сил поднял повыше, и толкнули внутрь. Он почти до пояса погрузился в старые тряпки и остался стоять раком, так будто что-то там искал.

– Теперь ноги, – взял на себя руководство Евстигней.

Мы вместе вцепились в толстую, еще теплую ногу в порывшем, давно не чищенном, сапоге и перекинули ее через край. Тоже, отдышавшись, сделали и со второй. Мой убийца мягко погрузился в какое-то истлевшее, пахнущее затхлостью тряпье.

– Сейчас закрою, – сказал Евстигней, нагибаясь за замком, – и все будет в порядке.

– А нож? – напомнила я.

– Вот беда, чуть не забыл! – виновато воскликнул он и наклонился над сундуком.

Мне в этот момент от запахов и необходимости прикасаться к покойнику стало дурно, но я не показала вида и,

чтобы побороть тошноту, дышала полной грудью возле открытого окна.

– Никак не могу достать, – виновато сказал за спиной Евстигней, – его нужно чуток повернуть.

– Да, конечно, – ответила я и, поборов страх и отвращение, пошла ему на помощь.

Тело в сундуке легло так неудачно, что повернуть его стоило нам невероятных усилий. В конце концов, моему спасителю пришлось влезть туда самому и только после этого удалось слегка его сдвинуть и выдернуть из спины орудие убийства.

Я так измучилась, что без сил опустилась на постель, на которой только что лежал покойник. Евстигней осмотрел длинный, тонкий клинок, вытер его о тряпку из сундука и засунул за голенище сапога.

– Теперь все, – с явным облегчением сказал он, опустил крышку и повесил на место замок.

Я молча сидела и смотрела на него, а он смущенно переминался с ноги на ногу, видно, не зная, что делать дальше.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – наконец сказал Евстигней, но так и не сдвинулся с места. – До скорого свидания.

– Спасибо вам, вы спасли мне жизнь, – наконец опомнилась я, и поблагодарила спасителя.

Отпускать его мне не хотелось. До утра еще было далеко, и оставаться ночью одной в комнате с убитым, мне было страшно. Как бы то ни было, но пока этот необычный чело-

век был здесь, мне можно ничего не бояться.

– Почему вы мне помогаете? – так и не дождавшись, когда он уйдет, спросила я.

Евстигней смутился и отвел взгляд. Я уже немного привыкла к его странному волосатому облику, и он мне больше не казался таким некрасивым, как раньше. Теперь для меня он был просто человек маленького роста с густой до самых глаз рыжей бородой.

– Не знаю, – как-то неохотно сказал он, избегая смотреть мне в глаза, – может быть, оттого что вас полюбил...

– Когда? – теперь уже смутилась я, вспомнив, как он целую ночь наблюдал за мной в окно. – Ведь мы встречались всего два раза.

– Для такого дела много времени не нужно, – грустно сказал он. – Можно полюбить и с одного взгляда.

– Я ведь замужем, – не знаю к чему, напомнила я.

– Знаю, мне ваш муж нравится, он хороший человек. Так я ничего и не прошу. Неужели, сам не понимаю...

– А как вы попали сюда? – спросила я, чтобы перевести разговор на другое и прекратить ненужное мне объяснение в любви.

Евстигней посмотрел на меня открыто и беспомощно, но ответил не сразу, хотя вопрос был простой. Я попыталась услышать, о чем он думает, но у меня опять ничего не получилось. Явно с моим спасителем было не все так просто.

– Я вас не видела когда мы ехали, – не дождавшись ответа,

сказала я.

– Вот вы о чем, – будто только теперь поняв вопрос, ответил он, – когда вас увезли, поехал следом. Мне теперь в Завидово не жить, барин за послушание сживет со света.

– Я думаю, что теперь там уже другой помещик, – осторожно сказала я. – Вернее, управляющий. Трегубов, кажется, приказал долго жить...

Кажется, возможная смерть помещика его несколько не заинтересовала. Что он тотчас и подтвердил.

– Это мне теперь все равно. Да и делать в деревне нечего. К крестьянскому труду я не способен по малому росту и воровским делом заниматься надоело. Грех это и лишнее томление души. Вот и решил, раз любовь пришла, сослужить вам службу.

Удивительно, Евстигней не называл меня ни барыней, ни по имени и отчеству, просто говорил мне «вы».

– Так вы вором были раньше? – спросила я, начиная понимать, почему ему удастся так незаметно подкрадываться и всюду проникать.

– Всякое в жизни случалось, – недовольным голосом ответил он, – чем не займешься, чтобы выжить! Только бедных я никогда не обижал и последнего не брал. Вы бы, – он опять замялся, явно не решившись меня назвать по имени, – накинули на себя что, хотя бы простынку. Из окна дует, как бы вам не простудиться...

– Извините, – вскинулась я, только теперь вспомнив, что

так и сажу перед ним, без всего, – я так напугалась, что обо всем на свете забыла!

Я тотчас стянула с постели простыню и закуталась в нее с ног до головы.

– Я что, я понимаю, женская деликатность, – согласно кивнул он головой, стараясь на меня не смотреть, – только я тоже не железный, могу с собой не совладать. Вот так-то лучше будет, – с явным облегчением, сказал он, увидев, что я прикрылась. – У меня баб-то много было, чего уж говорить. С маленьким многим хочется попробовать, бабы – народ любопытный. Однако чтобы по любви, такого не припомню.

Я его рассеяно слушала и думала о том, что ни одной его мысли уловить мне так пока не удалось. Он был третьим человеком из всех встреченных мной людей, совсем для меня закрытым.

Глава 3

Когда утром ко мне в комнату зашел Татищев, я уже была готова в дорогу. Никаких следов ночного происшествия здесь не осталось. Я сидела возле открытого окна и, подперев щечку ладонью, любовалась летним садом.

Иван Николаевич поздоровался и остался стоять возле порога. Он был непривычно хмур и сосредоточен. Я сначала решила, что это последствие вчерашнего ужина, но он так старательно отводил глаза, что я невольно встревожилась и спросила:

– Что с вами, Иван Николаевич, на вас просто лица нет?

Он ответил не сразу, а про себя подумал, что нам лучше будет поговорить по дороге, без лишних свидетелей. В пустой комнате, кроме нас никого не было, и каких он боялся свидетелей, я не поняла.

– Я немного прихворнул, – тихо сказал он. – Сейчас вам принесут умывание и завтрак, выедем мы через полчаса. Надеюсь, вы успеете собраться.

Я согласно кивнула. Надо сказать, меня немного удивило то, что наша команда ограничилась всего одним днем отдыха у хлебосольного траншей-майора. Однако мне это было только на руку. Остаться еще на несколько дней в комнате с покойником я не хотела по вполне понятным причинам.

Покончив с туалетом и завтраком, я сама вышла во двор.

Запряженная карета уже стояла возле крыльца, и я быстро в нее села. Там меня уже ждал мой романтический поклонник. Однако на этот раз мне показалось, что флигель-адъютант совсем не рад меня видеть. Только теперь я вспомнила, что и вчера вечером *он* не соизволил зайти ко мне пожелать покойной ночи.

– Иван Николаевич, мне кажется, у вас что-то случилось, – без околичностей спросила я.

– Случилось, – сквозь зубы ответил он, – но не только у меня одного, а у нас обоих!

Я совместила ночной визит полицейского чиновника и странное поведение Татищева и не на шутку встревожилась.

– Вы получили дурные вести из Петербурга?

– Дурные? – плачущим голосом переспросил он. – Отвратительные! Мне приказали вас убить!

– Как это – убить? – не поняла я. – Чего это ради?!

– Да если бы я сам хоть что-нибудь понимал! – сердито воскликнул он. – Вот возьмите, сами прочитайте эту депешу!

Он вынул из-за обшлага свернутый в четыре части лист бумаги и протянул его мне. Я развернула короткое письмо, написанное ровным писарским почерком. Подписи под ним не оказалось, один невнятный росчерк закорючкой, а обращение было самое обычное:

«Милостивый государь Иван Николаевич!», прочитала я вслух.

– Читайте, читайте дальше, – взмолился Татищев.

«Во исполнении данных вам инструкций, – продолжила я, – вам следует принять меры, чтобы ответственная особа не смогла по причине тяжелой болезни и последующей за ней смерти прибыть в место, кое ей назначено первоначально. Ответственность и выполнение сего приказа после кончины н. с. Ломакина перекладывается на вас. По поручению известного вам высокого лица».

– Ну, и что вы на это скажете? – не дождавшись моего ответа, воскликнул он. – Они сами понимают, что требуют?! Я – русский дворянин, а не палач!

Если бы дело не касалось меня лично, возможно, я отнеслась бы к вопросу дворянской чести более сочувственно, но теперь, когда вдруг объявился еще один убийца, восприняла сетования Татищева без должного понимания. Было похоже, что моя жизнь кому-то так мешает, что неведомый противник не собирается остановиться ни перед чем.

Главное, я по-прежнему терялась в догадках, кто этот таинственный противник. Между тем Иван Николаевич продолжал мне жаловаться на злую судьбу. Я его прервала:

– А если вы не выполните приказа и меня не убьете, чем вам это может грозить?

– Помилуйте, Алевтина Сергеевна, о чем вы говорите! Как можно такой приказ не выполнить? Я разом всего лишусь!

– А чего всего? – невинно уточнила я.

– Да того же камер-юнкерства, карьеры, да и что за дворянин без службы государю!

– Тогда сдаюсь, – сочувственно, сказала я, – тогда у вас не остается другого выхода, как меня убить!

– Вам бы все шутки шутить, – кисло улыбнулся флигель-адъютант. – Если вы такая умная, придумайте, как мне избежать гнева государя?

– Так это от его имени письмо?

Татищев многозначительно на меня посмотрел, поднял глаза вверх и пожал плечами.

– Государь у нас такие приказы не отдает, он ведь рыцарь! Однако и то лицо, что прислало письмо, не менее его имеет влияние. Уж я не знаю, чем вы его так прогневали!

– Это и я мечтаю узнать, – без тени улыбки, сказала я. – Вы не можете назвать имени моего гонителя?

– Господь с вами, Алевтина Сергеевна! Конечно не могу! Иначе это будет государственная измена! А я, как вам известно...

– Понимаю, не можете – не говорите. Но ничего, скоро времена изменятся и он умрет!

– Кто умрет? – почти с мистическим ужасом спросил флигель-адъютант.

– Ну, этот, как его, император Павел Петрович, – спокойным голосом ответила я.

На Татищеву мои слова произвели очень сильное впечат-

ление. Он впери́л в меня испуганный взор и несколько минут пытался понять, откуда мне это может быть известно. Наконец ничего не придумав, спросил:

– Вы, наверное, знаете? Откуда? Неужели это ваш знакомый колдун нагадал?

– Знаю, – покопавшись в памяти мужа, ответила я. – Когда точно – не скажу, но не позже, чем через полтора-два года.

Точную дату переворота и гибели этого императора не знал и сам Алеша. Как он сам считал, это был пробел в его школьном образовании. Впрочем, общий почти для всего нынешнего подрастающего поколения.

– И кто же станет новым императором? – с напряженным вниманием, спросил он. – Неужели и это вы знаете?

– Это я знаю точно, – не раздумывая, ответила я. – Александр I.

– Старший сын, цесаревич, – задумчиво сказал Татищев. – Это хорошо, но что нам с вами делать? За полтора года, что он еще будет править, на каторге в Нерчинском руднике можно десять раз умереть. Я бы с вами бежал, да тогда вся семья в опалу попадет. А может, и правда? – вдруг загорелся он. – Убежим в Сибирь, пересидим у раскольников. Может ваш муж к тому времени умрет, и вы выйдете за меня...

– Да что вам всем дались эти раскольники! – невольно воскликнула я.

– Кому – всем? – удивился он.

– Так, ничего особенного, – ответила я, – мне уже как-то

предлагали бежать в Сибирь.

Бежать с ним к раскольникам мне предлагал первый несостоявшийся убийца, надворный советник Ломакин.

— Я так и подумал, что вы не захотите со мной жить в глухой Сибири, — обижено сказал он. — Вы светская женщина, вам подавай балы и развлечения!

— Я простая крепостная крестьянка, пожалуйста, это запомните и впредь меня ни с кем не путайте, — сердито сказала я. — А вам, ежели не хотите меня убивать и разгневать царя или еще кого, чье имя вы боитесь даже назвать, советую представиться смертельно больным! Скажете, что никакого письма не получали, и сами едва выжили.

— Как же не получал, когда получил! Мне его вчера вечером чиновник из Петербурга в собственные руки передал.

— А вы скажите, что ничего он не передавал, — сердито сказала я.

— Да как же сказать, что не передавал, если он передал вот именно это письмо! — указал он на развернутый лист в моей руке. — Он же на меня первый и донесет.

— Никому он ничего больше не донесет.

— Почему вы так думаете? — удивился он.

— Потому, что он теперь мертвым лежит в сундуке у траншей-майора Титова, а когда там его найдут, то, скорее всего, тихо закопают, чтобы не попасть под следствие за убийство полицейского офицера.

Татищев как открыл рот, так и забыл его закрыть. Сооб-

ражал он долго. Когда, наконец, смог переварить новость, спросил:

– А как вы это можете знать?

– Еще бы мне не знать! Он не где-нибудь, а в моей давешней комнате в сундуке лежит. Я его сама туда запихивала.

– Вы! – воскликнул и опять замолчал флигель-адъютант, но все-таки нашелся спросить. – А зачем?

– Что ж ему было лежать на моей кровати с ножом в спине. Он меня ночью пришел убить, да сам и умер.

– Он лежал на вашей кровати! – взвился Татищев. – Да как он посмел!

Нет, с мужчинами разговаривать – одно мучение! У них у всех только одно на уме.

– Неужто он посмел к вам прикоснуться?! Да я его, негодя!..

– Если вы о том хлопчете, то не стоит, он совсем не за тем, о чем вы думаете, приходил, а меня подушкой задушить. Только, как видите, ничего у него не получилось.

– Так это вы его!? Ножом в спину? – эта печальная новость так удивила Ивана Николаевича, что он больше минуты не мог произнести ни слова. Он, не моргая смотрел на меня все более темнеющим взором. Я уже решила, что он начал меня бояться, и я перестал его интересовать как женщина, как вдруг Татищев, бросился с дивана на пол кареты и припал лицом в мои колени.

– Алевтина Сергеевна! – зашептал он, обжигая сквозь

тонкое платье мне бедра своим горячим дыханием. — Умоляю, будьте моей!

— Господь с вами, Иван Николаевич! О чем вы таком меня просите, — быстро ответила я, пытаюсь оторвать его пылающие губы от своих чресл. — Я замужем!

— Это мне все равно, меня это не остановит! — продолжал он лихорадочно, говорить, не отпуская моих ног. — Я хочу вас и немедленно!

Я слишком растерялась от такого внезапного, горячего натиска, что едва успевала устранять его руки из-под своей юбки.

— Иван Николаевич, голубчик, полноте, — шептала я, машинально, глядя свободной рукой его короткие кудри. — Сейчас к нам кто-нибудь заглянет в карету и обоим будет большой конфуз!

— Ах, пусть, пусть, я вас люблю, и мне ровно ничего не значит людская молва! — горячо говорил он, продолжая терзать мое единственное платье.

Хорошенькое дело, подумала я, изнемогая от его притязаний, ему ничего не значит молва! А мне-то что делать!

— Оставьте меня, Иван Николаевич! — уже умоляла я. — Что вы делаете! Вам туда нельзя, я замужем!

Однако он так обезумел от страсти, что ничего не хотел слушать. Мне оставалось только позвать на помощь, но я не успела этого сделать. В карету, свесившись с лошади, вдруг, заглянул штабс-ротмистр Вяземский.

– Иван Николаевич, – позвал он Татищева и крайне удивился, не обнаружив того на привычном месте.

– Алевтина Сергеевна! Где же Иван Николаевич? – растеряно, спросил он. – Неужто мы его забыли в имении?

Ах, что была его растерянность рядом с моей! Меня просто сковал ужас перед грядущим позором! Я даже на мгновение потеряла голос! Однако сумела отвлечься от истомы и ответила, как мне показалось, безо всякого волнения в голосе.

– Иван Николаевич заболел!

– Как заболел?! – вскричал Денис Александрович. – Он же с утра был совсем здоров!

– Только что заболел, я даже не успела вас окликнуть, – ответила я. – Вдруг взял и упал с дивана!

Вяземский встревожился и попытался засунуть голову в небольшое окно несущейся кареты. Однако его конь дернулся, и он крепко ударился затылком о раму.

– Будь ты проклят, иди ровнее! – закричал он на него и исчез из моих глаз.

– Иван Николаевич, прекратите и немедленно меня отпустите, и перестаньте раздвигать мне ноги, вы мне наделаете синяков! – взмолилась я. – Ах, господи, что же нам теперь делать!

Увы, флигель-адъютант как раз в те мгновения пребывал в таком состоянии, что ничем не мог мне помочь. Мне самой пришлось выдумывать, как выйти из пикантной ситуа-

ции. Торопливая мысль назвать Татищева больным показалось мне удачной и единственно правильной. Ей я и решила держаться.

Между тем штабс-ротмистр, наконец, справился со своей лошастью и вновь появился в окошке.

– Алевтина Сергеевна, ну как он? Вам нужна помощь? Может быть, остановить карету?

– Кажется, ему немного лучше, – успокоила я Вяземского. – Пока Ивана Николаевича беспокоить не стоит, я его поддержу.

– Вот не было печали! – воскликнул Денис Александрович. – Сначала Ломакин, теперь Татищев! А что с ним такое?

– Думаю, что это на нервной почве, – ответила я, не заботясь, знает ли Вяземский такие слова. – Скоро какая-нибудь деревня?

– Думаю, что через час будем в Зарайске, – ответил он, – может там найдется какой-нибудь лекарь!

– Это было бы чудесно, – ответила я и невольно дрогнула голосом.

С флигель-адъютантом в тот момент что-то случилось, он застонал, начал дрожать и крепко сжимать мне бедра. Хорошо, хоть штабс-ротмистру надоело скакать в неудобной позе, и он исчез из окна.

Спустя минуту Татищев успокоился и спросил виноватым голосом.

– Алевтина Сергеевна, я не сделал вам больно?

– Пустое, – ответила я, поправляя на коленях платье, – главное, что теперь мы скажем, когда приедем в Зарайск?

– Кому скажем? – не понял он.

– Вы что, ничего не помните? – удивилась я.

– Нет, а что случилось? – спросил он, пытаясь встать с колен.

– Вяземский застал нас, вернее вас, в этой позе и я сказала ему, что вы внезапно заболели!

– Что вы такое говорите! – вскричал Татищев, потом окончательно смутился и тихо произнес. – Ах, какой стыд, что же нам теперь делать!

– Лучше оставайтесь там, где теперь, – ответила я, и опять прижала его голову к своим коленям. – Может это и к лучшему, вот вам повод избавиться от ужасного приказа! Скажете, что разом потеряли память, а Денис Александрович это подтвердит. Он в полной уверенности, что с вами приключилась тяжелая болезнь!

– Но я же совершенно здоров, даже напротив! – вскричал он и сквозь платье поцеловал мои ноги. – Я еще никогда не был так счастлив!

– Иван Николаевич, оставьте вы говорить о своих чувствах, – строго остановила я его. – Не забывайте, что я замужем!

– Да, да, конечно, – тотчас, с восторгом, согласился он, впрочем, продолжая меня целовать, – вы чудная, я так благодарен, что вы меня не оттолкнули!

– О чем вы таком толкуете! – удивилась я. – Между нами ничего такого не было!

– Да, я согласен! – зашептал он. – Но, какая же у вас нежная кожа!

Карета, между тем, неслась, громко стуча колесами и мягко качаясь на рессорах. В окошко врывался легкий ласковый ветерок и студил мое разгоряченное лицо. Иван Николаевич, кажется, совсем освоился у меня в ногах. Когда к нам заглядывал встревоженный Вяземский, он вполне натурально стонал.

– Скоро уже будет Зарайск? – каждый раз спрашивала я штабс-ротмистра, сама теряясь от лихорадочного возбуждения, которым заразилась от Татищева.

– Потерпите, голубушка, – отвечал он. – Дай бог, скоро доедем!

Легко ему было так говорить! Не он же имел между своих ног такого необузданного поклонника!

– Иван Николаевич, голубчик, успокойтесь, – молила я Татищева, когда он становился совсем нескромным. – Держите голову на коленях, и ни о чем таком не думайте!

– Ах, Алевтина Сергеевна, – шептал он, целуя мои и так растерзанные ноги, – давайте бежим в Сибирь!

– Глупости, что нам делать в Сибири, – отказывалась я, – лучше вы, как выздоровеете, и у меня все образуется, вернетесь в Петербург и введете меня в свет!

– Уже видна зарайская колокольня, – крикнул мне в окно

Вяземский, – потерпите еще чуток, скоро приедем!

– Все, все, – сказала я Ивану Николаевичу, – вот вам платок, вытрите лицо. Посмотрите, какой вы красный и потный. Нам нужно придумать какая у вас болезнь.

– Это пустое, – отвечал он опять прерывистым голосом, – я никогда не оставлю вас!

– А вы вспомните о своей маркизе, – не удержалась я от ехидной шпильки, – сразу меня и забудете!

– За что вы меня так казните, жестокая! – воскликнул он, опять сжимая мои бедра и беззастенчиво что-то ища у меня под платьем. – Я о ней уже и думать забыл!

В этот момент карета остановилась. Иван Николаевич вздрогнул и отстранился от меня. Он даже хотел вновь вернуться на свое место, но я ему не дала.

– Что вы делаете, сидите, как сидели, – прошептала я, – а когда вас будут выносить, делайте вид, что находитесь без памяти!

– А что мне говорить, когда будто бы я очнусь? – торопливо спросил он.

– Скажете, что потеряли память и не знаете, что с вами случилось. Если здесь отыщется доктор, он сам придумает вам болезнь. Мой муж отменный лекарь и я тоже немного понимаю в медицине!

Едва я договорила, как в окошке появилось обветренное лицо Вяземского.

– Слава богу, все устраивается, – успокоил он меня, –

здесь на покое проживает отставной военный лекарь, он и попользует Ивана Николаевича. Скоро уже приедем. Каков он? – заботливо спросил он, глядя на застывшего в неудобной позе Ивана Николаевича.

– Без памяти, – ответила я, – но пока жив. Будем уповать на Всевышнего.

– Надо же, какая беда, – посетовал штабс-ротмистр. – Сперва Иоаким Прокопович помер, теперь вот Иван Николаевич. Но, даст бог, все образуется.

Он исчез из окна, крикнул кучеру погонять, и карета вновь тронулась. Не успели мы остаться одни, как Татищев поднял голову с дивана и тревожно воскликнул:

– Слышали, здесь есть настоящий лекарь, что если он поймет, что я здоров?

– Тогда дадите ему денег, и он будет вас лечить до второго пришествия!

Мы оба понимали, что до момента расставания остались считанные мгновения, и флигель-адъютант на прощание заключил меня в свои объятия. Я не хотела ничего такого, но по женской доброте не смогла отказать ему в такой малости.

– Ну, все, все, – сказала я, отстраняя его от себя и поправляя платье и прическу, – осторожнее, нас могут увидеть!

Иван Николаевич тяжело вздохнул, отпустил меня, и принял свою прежнюю безжизненную позу. Сделал он это вовремя. В этот момент лошади остановились, и снаружи послышался громкий голос Вяземского, зовущего лекаря. Я выгля-

нула в окно. Весь наш поезд остановился посередине улицы какого-то небольшого города. Вяземский уже оказался возле крепких, высоких ворот и стучал в них каблуком сапога. Со всех сторон полюбоваться на блестящих кирасиров сбегались местные жители. Те неспешно покидали седла, делая вид, что ничуть не интересуются восторгом любопытных горожан.

— Чего там? — с тревогой спросил меня Иван Николаевич.

— Частный дом, — ответила я, — пока оттуда никто не выходит.

Однако словно подслушав мои слова, отворилась тесовая калитка. Из нее к штабс-ротмистру, вышел старый грузный человек с нечесаными космами седых волос, большим вислым носом и с усами, в черных подусниках. Был он по виду в весьма преклонных летах и с трубкой в руке.

Разговора его с Вяземским я не слышала, но по тому, как они, поздоровавшись и перекинувшись несколькими словами, оба посмотрели в сторону кареты, догадаться, о чем там речь, не составляло труда.

Старый человек, как я поняла, и был тот самый отставной лекарь. Мне показалось, что он не сразу согласился взять на свое попечение знатного больного, но Денис Александрович горячо его убеждал и он, в конце концов, утвердительно кивнул головой.

Теперь наступал самый ответственный момент, о чем я и предупредила Татищева. Иван Николаевич разволновался и

опять изобразил хладное тело. Вяземский уже позвал четверых кирасиров и те подошли к карете.

– Осторожно, он без памяти, – предупредила я, когда отворилась дверца, и в ней показались молодые любопытные лица.

– Вы двое, берите Ивана Николаевича за руки и плечи, а вы за ноги, – распределил своих воинов штабс-ротмистр.

Татищева начали осторожно вынимать из кареты. Он совсем расслабился и, мне показалось, даже перестал дышать. Наконец, его вытащили. Зрители все возрастающей кучей столпились вокруг бездыханного тела. И тут кто-то из наших кирасиров, воскликнул:

– Посмотрите, это что у него!

Недоумеая, что может означать этот возглас, я сама выглянула наружу. Ивана Николаевича держали на руках четыре человека и, все кто тут был, рассматривали его светлые из тонкого сукна панталоны. Они почему-то совсем промокли на самом заметном месте.

Я с первого взгляда не поняла, что собственно, с ним случилось, и сначала подумала, что это он так сильно вспотел. Однако по здравому размышлению поняла, что так одним местом вспотеть невозможно. Впрочем, понять, что с ним на самом деле произошло, я так и не успела. Один из кирасиров, испугано воскликнул:

– У Татищева – холера!

Почему у Ивана Николаевича панталоны сыры впереди, а

не сзади, как было бы, заболел он холерой, кирасир не объяснил. Однако страшное слово так напугало зрителей, что все дружно начали пятиться, а после бросились, куда глаза глядят. На месте остались только носильщики, Вяземский, я и подошедший доктор.

Он не спеша, приблизился к замершему на месте секстету, внимательно посмотрел на больного, зачем-то хитро глянул на меня и велел нести флигель-адъютанта в дом. Напуганные кавалеристы торопливо выполнили приказ и понесли больного вперед ногами. Следом за ними, слегка отставая, шел, задумчиво покусывая ус, штабс-ротмистр. Одна я осталась на месте и, укрывшись в карете, вытерла вспотевшие от волнения руки и лицо. Теперь оставалось только ждать, раскроется ли наш обман.

– Алевтина Сергеевна, – окликнул меня вернувшийся спустя пару минут Вяземский, – доктор говорит, что на холеру подозрение есть, но может быть это и не холера. Вы не волнуйтесь, даст бог, еще все и обойдется!

Я слушала его только вполуха, проверяя, о чем он думает на самом деле. Увы, Денис Александрович пребывал в полной уверенности, что Иван Николаевич действительно заболел смертельной болезнью и сочувствовал, что от него могла заразиться я.

Между тем из докторского подворья вышли задумчивые носильщики и сразу же отправились к своим лошадям. Напуганные зрители наблюдали за страшным местом с почти-

тельного расстояния. Вяземский все так же кусал ус и смотрел, как кирасиры садятся в седла, не зная, что делать дальше. Сразу же приказать кучеру трогать, ему было неловко, как и стоять на месте, ожидая непонятно чего. Впрочем, скоро, дело нашлось хотя бы для меня. Из докторских ворот выскочил кудлатый, похожий на старика мальчишка и, подбежав к карете, передал мне просьбу больного навестить его на одре печали.

Он так и сказал:

– Господин, которого привезли, просит даму навестить его на одре печали.

Вяземский почти с ужасом посмотрел на меня и тихо сказал:

– Если вы боитесь заразы, вам лучше туда не ходить. Думаю, бедному Ивану Николаевичу теперь уже никто не поможет!

– Ах, любезный, Денис Александрович, – ответила я, медленно спускаясь по короткой каретной лесенке, – я никогда себе не прощу, если не проявлю христианское милосердие и не утешу нашего страдальца!

– Голубушка! – прослезился штабс-ротмистр. – Вы воистину благородная женщина!

– Пойдем, покажешь мне дорогу, – попросила я кудлатого отрока и с высоко поднятой головой пошла навстречу опасности.

Отставной военный лекарь жил в изрядном дворянской

постройки доме, прячущемся за высоким купеческим забором. Не успели мы войти в калитку, как мне под ноги с лаем бросилась мелкая собачонка. Мальчишка ловко пнул ее ногой, и она с визгом убежала куда-то за дом. Мы прошли пустой двор с кучками свежего конского навоза и поднялись на высокое крыльцо.

– Когда я вырасту, буду, как дедушка, офицером, – сообщил мне по пути провожатый, – и заведу себе настоящую псарню!

Я молча кивнула. В тот момент мне было не до детей и собак.

– Проходите сюда, – пригласил мальчик, а сам, искоса на меня глянув, подумал, что я красивая тетка, жаль только, очень старая.

Мы прошли скромно обставленную залу, и подошли к одной из четырех выходивших в нее дверей. Мальчик ее открыл, пропустил меня вперед, а сам остался за порогом.

– Дедушка, я привел, как вы наказали, красивую даму, – чинно сказал внук лекаря и притворил за мной дверь.

Я огляделась. Комната была большая, в два окна. «Одр печали» или попросту кровать стояла возле стены. На ней, поверх одеяла, лежал все еще одетый Татищев, а возле него на стуле сидел грузный старик-лекарь.

– А вот и наша красавица, – сказал он, рассматривая меня смеющимися глазами. – Как видите, живая и здоровая! Вы тут пока посекретничайте, а я отлучусь по неотложным

делам.

Не успел доктор выйти из комнаты, как Иван Николаевич вскочил со своего одра и бросился ко мне. Я едва успела выставить вперед руки, чтобы он не задушил меня в объятиях.

– Полно, полно, что вы, Иван Николаевич, делаете, отпустите меня, бога ради, сюда в любую минуту могут войти, – увещевала я его, подталкивая назад к постели. – Все думают, что вы опасно больны.

– Я все слышал, – криво улыбнулся флигель-адъютант, – странные люди, с чего они решили, что у меня холера!

– Напротив, это нам на руку, вы останетесь здесь, проживете несколько дней, и никто не посмеет вас ни в чем обвинить!

– Боюсь, что не все так просто. Доктор все сразу понял. Он хочет за молчание пятьдесят рублей и еще столько же за постой. Мне кажется это просто грабеж на большой дороге!

– Так в чем же дело? У вас что, нет таких денег?

– Есть, но как-то не хочется платить неизвестно за что, – скривился Татищев, – Отдать сто рублей только за то, чтобы пожить в такой дыре!

– Тогда скажите, что уже выздоровели и поедemте дальше. Попадите под гнев императора, опозорьте меня, – предложила я, выразительно посмотрев на его несвежие панталоны.

– Ах, это простая случайность, такой конфуз приключился со мной впервые в жизни и исключительно от избытка чувств. Как только я представляю, как вы с кинжалом в руке

подкрадываетесь к полицейскому, заносите над ним руку, со мной происходит... Да вот, сами взгляните, – указал он рукой на свои панталоны, – происходит непонятно что!

Конечно, никуда я смотреть не стала и специально отвела от него взгляд. Вместо этого спросила:

– Так что вы решили, поедете дальше или остаетесь?

Он задумался и опять, как бы невзначай, попытался прикоснуться ко мне, но я была начеку и вовремя отступила.

– Видать придется остаться, – грустно ответил он. – Хотя меня больше печалит не потеря денег, а необходимость разлучиться с вами. – Доктор почему-то хочет, чтобы разочлись с ним вы, а не я. Не сочтите за труд передать ему деньги.

– Ну что же, этот труд невелик, – ответила я.

Флигель-адъютант, тяжело вздыхая, вынул из кармана сюртука портмоне, раскрыл его и вынул бумажные деньги. Я посмотрела на ассигнации и сразу узнала в них двести сорок рублей некогда принадлежавшие покойному надворному советнику Ломакину. Я видела их, когда после его смерти искала в вещах гребень привести свою прическу в порядок.

– Вот, извольте, – сказал Татищев, передавая мне оговоренную сумму.

– Мне сдается, я уже видела эти ассигнации у Ломакина, – задумчиво сказала я, принимая деньги.

– У какого еще Ломакина? – очень натурально удивился флигель-адъютант. – У того, который умер?

– Именно у него.

– Это вам, Алевтина Сергеевна, просто мерещится! Ассигнации все на одно лицо. Я их вожу с собой еще с самого Петербурга! А получил их в ссудной лавке у Ивана Спиридонова. Про него можете спросить кого угодно, его на Невской стороне всякая собака знает!

– Может быт, может быть, – неуверенно согласилась я, узнавая на десятирублевке знакомое чернильное пятнышко.

Мое странное подозрение немного омрачило наше расставание. Иван Николаевич как-то сник и уже без прежнего пыла говорил о своих чувствах.

– Пожалуй, мне пора, – сказала я, когда его горячие излияния вперемежку с ссудной лавкой процентщика Спиридонова начали иссякать. – Денис Александрович, наверное, совсем извелся. Все ведь думают, что у вас холера.

– Ах, как мне горько вас терять! – на прощание воскликнул флигель-адъютант и отер набежавшую на глаза скупую мужскую слезу.

Я ему улыбнулась, пожелала скорейшего выздоровления и вышла из комнаты в залу, где тотчас натолкнулась все на того же исключенного мальчишку.

– Дедушка просит вас пожаловать к себе, – вполне светски сказал он и повел меня в дальнюю часть дома.

Я вошла в комнату и остановилась возле порога, не зная как начать с ним говорить. Сквалыга доктор сидел в старом кресле со стертой обивкой, из которой торчал во все стороны конский волос. Он сам выручил меня из неловкости, улыб-

нулся и пригласил:

– Садись, дочка.

Я немного удивилась такому обращению и опустила на-
против него на такое же потертое кресло.

– Ну, что столичный ферт, решил у меня остаться? – спро-
сил он лишь только я села.

– Да, решил, – ответила я, не зная, в какой манере с ним
разговаривать.

– И деньги передал? – продолжил он.

– Да, вот ровно сто рублей, – ответила я.

Доктор на деньги только посмотрел, но в руки не взял.
Вместо этого, вдруг спросил:

– А ты, выходит, у них пленница?

Вопрос получился для меня таким неожиданным, что я
только глупо заморгала.

– А как вы догадались?

– Не велика наука, – ворчливо ответил он. – Ты что, при-
родная принцесса ездить с таким эскортом? Посмотри на се-
бя, платье изношено, сапожки плохенькие. Так принцессы
не одеваются. Да и с тем фертом все ясно. Вся его любовь у
него же в панталонах и осталась. Я что, не понимаю, как мо-
лоденькой и красивой трудно от таких кобелей отбиваться!

– Ваша правда, доктор, я и правда арестантка, только сама
не знаю, по какой причине.

– И причин бывает немного. Кто-нибудь придумал про те-
бя глупость, да сам и донес, кому следует. Или старой бабе

дорогу перешла, а у нее знатная родня в столице. Вот все и завертелось.

– Не скажите, мне кажется, мое дело серьезнее. Меня уже несколько раз пытались убить. За выдуманные истории людей подушками не душат.

Старик внимательно на меня посмотрел и привычным, каким-то домашним, движением потеревил двумя пальцами свой большой мясистый нос, после чего сочувственно сказал:

– Вообще-то убить могут за что угодно, а то и просто так. Ладно, оставляю я твоего ферта лечиться от скуки, чтобы к тебе дорогой не приставал. Пусть все остальные думают, что у него холера и остерегаются лезть к тебе под юбку. А больше, прости, ничем помочь не смогу.

– Спасибо вам, – искренне поблагодарила я старого ворчуна. – Вот ваши деньги!

– Пустое, у меня свой пенсион есть, да и практика кое-какая. Оставь их себе, я не для себя, а для тебя их с ферта требовал. У тебя, поди, нет ни полушки?

– Как вы догадались? – опять поразила я.

– Проживешь с мое, сама такой же догадливой станешь. Тебе теперь себя беречь нужно. К масленице жди приплода. Ну, езжай с богом. Удачи тебе.

– Спасибо, вам доктор, – поблагодарила я и, чтобы он не заметил у меня слез на глазах, выбежала из комнаты.

Уже в карете, я вспомнила его странные слова о приплоде

и сразу поняла, почему меня по утрам тошнит. Я ношу в себе ребенка!

Глава 4

Чем ближе мы подъезжали к Петербургу, тем тревожнее у меня становилось на душе. Да и мои спутники постепенно менялись, становились строже и суше. Даже славный человек Вяземский, смущаясь и стараясь не смотреть мне в глаза, как-то сказал, что мне следует задернуть шторы на окнах, а то, как бы ни случилось чего нехорошего. Я вынуждена была подчиниться и потеряла единственное доступное удовольствие – смотреть в окна кареты на Святую Русь.

А посмотреть было на что! Какие красивые церкви я видела в Москве, с золотыми куполами, белокаменными, небывалой высоты, колокольнями! А какая даль открывалась порой перед нами! Какие широкие полноводные реки мы миновали! Теперь за задернутыми шторами во время пути я больше спала, а потом на ночевках мучилась от бессонницы, размышляла о своей странной судьбе и тихо беседовала со своим будущим ребенком.

Петербургский тракт не в пример другим дорогам был гладок, как стол. Бывало, что едешь целый час, и каретное колесо не провалится ни в одну глубокую колдобину. Конечно, случалось всякое, как-то раз мы застряли на середине моста и полдня ждали, когда с окрестных деревень сгонят крестьян починить провалившийся настил. Но такое случалось редко и в день мы проезжали по шестьдесят верст.

Сто рублей, полученные при посредстве старого доктора, пока оставались неизменными. Просить Вяземского заехать в мануфактурную лавку прикупить мне нижнюю одежду я стеснялась, а он, как и любой мужчина, о таких мелочах, необходимых каждой женщине, просто не думал. Только в небольшом селении со странным названием Комарово мне, наконец, удалось решить этот сложный вопрос.

Остановились мы в тот раз, в имении очередного родственника одного из моих конвоиров, вахмистра Левушки Вегнера. Имение было средней руки с одноэтажным домом и десятком служб на обширном дворе. Хозяин, обрусевший швед, в прошлом генерал-майор русской службы, получивший увечье при Измаиле, душевно обрадовался племяннику с товарищами и устроил званый вечер. Гуляли не по-шведски, а широко, по-русски. Кирасиры, как иногда случается с нашими мужчинами, крепко перепили.

Меня, как было принято, когда мы останавливались не на постоялых дворах, а в поместьях, поместили в отдельное помещение, гостевой домик, далеко отстоящий от барских покоев. По негласному соглашению с конвоирами, свободы моей никто не ограничивал, но и я не совершала ничего такого, что могло повредить им по службе.

То же было и в этот раз. Пока кирасиры праздновали, я помылась в бане, попросила у ключницы иголку с ниткой и села возле окна, сушить волосы и приводить в порядок свое многострадальное платье. Летний вечер, как бывает на севе-

ре, был долгий и светлый. Вся местная дворянщина обслуживала гуляющих господ, и в моей части двора не было видно ни одной живой души. Стесняться было некого, и я спокойно сидела возле самого окна и штопала прорешку на подоле.

Когда появился мой спаситель Евстигней, я не заметила. Он неслышно подкрался к окну, подскочил, зацепился руками за подоконник и легко вскарабкался наверх. От неожиданности я испугалась, вскрикнула и прикрыла голую грудь руками.

За то время, что мы добирались до столицы, я мельком видела его несколько раз за окнами, знала, что он следует за нами, наблюдает за мной, и почти перестала его стесняться. Однако после того случая, когда он защитил меня от убийцы, Евстигней со мной не разговаривал и не пытался как-то связаться.

– Господи, как ты меня напугал! – с упреком, воскликнула я, впрочем, тотчас успокаиваясь. – Разве можно так тихо подкрадываться!

– Простите, но мне нужно с вами переговорить, – ответил он, не скрываясь, глядя на мое обнаженное тело.

– Погодите, я только оденусь, – ответила я и повернулась к нему спиной, намереваясь накинуть платье.

– Пожалуйста, не нужно одеваться, – незнакомым, севшим голосом, но, тем не менее, проникновенно попросил он. – Мне так нравится на вас смотреть!

Я, честно говоря, просто не нашлась, что ему ответить!

Хорошенькое дело, малознакомый человек просит вас сидеть перед ним совершенно голой! Правда, я не воспринимала Евстигнея как мужчину, да и видел он меня без одежды много раз, и, думаю, в самых разных ситуациях. Однако сразу соглашаться, я просто не могла и попыталась найти вескую причину для отказа.

– Я все-таки лучше оденусь, мне в таком виде будет неловко с вами разговаривать.

– Как вам будет угодно, – грустно сказал он. – Но если вы решитесь сделать мне приятное, то оставайтесь как есть...

– Хорошо, говорите, я вас слушаю, – закрывая тему разговора и оставив в покое свое платье сказала я.

В конце концов, пусть себе смотрит, если ему так нравится.

– Спасибо, – тихо поблагодарил он. – Вы скоро будете в Петербурге...

– Да, возможно, даже завтра к вечеру.

– Куда вас определяют, я не знаю...

– Сначала повезут в Зимний дворец, а потом, скорее всего в Петропавловскую крепость, – предположила я. – Там самое место для такой страшной преступницы, как я!

– Это было бы лучше всего, у меня там много знакомых, и с вами будут обращаться, как вы того заслуживаете, – сказал он. – Но если хотите, я могу вам помочь бежать хоть сейчас!

– Нет, спасибо, бежать я просто не могу, тогда вместо меня в Сибирь пойдут все мои конвоиры.

– Я знаю, что вы благородны, и у вас прекрасная душа, – с чувством воскликнул он, в то же время, продолжая любоваться телом, – к тому же всю жизнь скрываться невозможно, Россия слишком маленькая страна для беглых преступников.

– Пусть все остается, как есть, я не сделала ничего плохого и мне нечего бояться! – ответила я, без особой уверенности в голосе.

– Если бы от власти страдали только преступники, – задумчиво сказал он, – к сожалению, у нас больше всего остается именно невинным людям. Но вас, я надеюсь, это не коснется. Всегда знайте, я рядом и в трудную минуту смогу помочь.

– Спасибо. Вы все это делаете во имя любви? – осмелилась спросить я.

– Отчасти. Но мне мое чувство к вам очень помогает. Знаете, у вас необыкновенно красивая форма груди, я, когда люблюсь вами, наслаждаюсь гармонией линий.

Я благодарно кивнула и, будто машинально, прикрылась руками, но вслух ничего не сказала. Только подумала, что комплимент «гармония линий» в устах то ли беглого крепостного крестьянина, то ли ловкого вора дворовой девушке звучит довольно необычно. Он тоже молчал, продолжая пристально меня рассматривать, словно любовался не живым человеком, а каменным изваянием.

– Женская красота слишком скоротечна, – грустно сказа-

ла я. – Боюсь, что скоро смотреть будет просто не на что.

Он, не слушая, кивнул головой и опустил взгляд ниже груди. Мне стало стыдно такого откровенного изучения моей плоти, и я поспешила перевести разговор на другую тему.

– Значит, вы пришли только затем, чтобы сказать, что будете мне помогать?

– Да, конечно, – как мне показалось, машинально ответил он, потом оживился и сказал совсем другим тоном. – Простите, я задумался. Нет, мне нужно было вас предупредить, что я могу менять свою внешность и представлять в разных обликах. Но, думаю, что в любом виде вы меня легко узнаете, я намеренно всегда остаюсь точно такого же роста, как и сейчас.

– А что, вы можете менять не только внешность, но и рост? – удивилась я.

– Конечно, я могу сделаться много выше, если встану на ходули, – засмеялся он. – Но, знаете ли, мне гораздо удобнее существовать именно таким, не очень высоким человеком, – добавил он.

– Наверно небольшой рост помогает в вашей воровской профессии? – подсказала я.

– Воровской профессии? – удивленно переспросил он. – А, вот вы о чем! Знаете ли, вообще-то, я ворую крайне редко, и только по большой нужде. Мне больше по сердцу другие острые ощущения.

Евстигней замолчал, и мне осталось только его спросить,

с какой планеты он сюда свалился. Понятно, я этого не спросила, а задала самый женский вопрос:

– Вам нравится на меня только смотреть?

Он ответил не сразу, и, начав говорить, даже немного смешался:

– Я могу быть близок с женщинами, но мне больше нравится ими, то есть вами, любоваться. Ну, может быть в мыслях, я и мечтаю о чем-то другом, – он не договорил, отвернулся и, словно оправдываясь, объяснил. – В жизни почему-то все происходит грубее и примитивнее, чем в грезах.

Я, честно говоря, его не очень поняла. Какой смысл мечтать об идеале. Мне кажется, настоящая жизнь много интересней, чем пустые грезы.

– Вам нравятся яркие, живые сны? – так и не подняв глаз, спросил Евстигней.

– Не знаю, мне редко снится что-то необычное. Может быть только последнее время, – сказала я и, догадавшись, к чему он клонит, замолчала.

Необычное, вернее будет сказать, нереальные любовные приключения снились мне только тогда, когда Евстигней был где-то рядом и подглядывал за мной. Сгоряча я чуть не спросила, не его ли это затея, но удержалась. Если он сознается, то наши отношения станут другими, а мне этого не хотелось.

– Да, конечно, сны нам редко бывают подвластны, – грустно сказал он и тут же заторопился. – Ну, мне пора. Может

быть, вам что-нибудь нужно?

– Да и очень многое, – с тайной надеждой ответила я. – У меня ведь нет ничего, кроме гребешка. Сами посмотрите, как я вынуждена ходить. А что будет, когда совсем износится платье? У меня даже нет простой ночной рубашки!

– Я об этом как-то не думал, – сознался он.

Дай вам волю, так вы бы нас, женщин, держали исключительно в постели голыми, в крайнем случае, в передникеazole плиты на кухне, подумала я.

– Может быть, вам что-нибудь нужно украсть? Вы скажите, я мигом, – предложил он.

– Ничего не нужно красть, у меня есть деньги, я могу все, что надо, купить, но как попасть в мануфактурную лавку, я не знаю!

– Тогда почему вы просто не пойдете на торг и не купите все, что вам нужно? – удивился он.

– Потому что я под арестом! – сердито ответила я.

– Сейчас все ваши конвоиры пьяны, я сам видел, давайте сходим вместе, я вас с удовольствием провожу. Кто вас среди ночи хватится?

Мужская тупость нас женщин иногда доводит до полного иступления.

– Именно сейчас, среди ночи, самое время ходить по лавкам! Они же все закрыты! Кто же по ночам торгует?! – возмутилась я.

Евстигней задумался, потом предложил:

– Давайте, я утром куплю все, что скажете, а потом как-нибудь вам передам.

Пожалуй, это был единственный выход. Однако, представляя, как мужчины умеют покупать женскую одежду, спросила:

– А вы сможете?

– Конечно, смогу, купить – дело не хитрое.

Я так не думала, но выхода у меня не было и пришлось согласиться. Я подробно рассказала, что мне нужно, дала ему деньги, и мы распрощались. Евстигней соскочил с подоконника и как будто растаял в ночных сумерках. В предвкушении будущих радостей я даже не закончила шитье и легла спать.

Утром, когда я проснулась, узелок с обновами лежал возле моей кровати.

Я вскочила и начала рассматривать, что он мне купил. Мой маленький поклонник не обманул – покупки оказались для него делом не хитрым. Он купил в точности все, что я просила. Единственная неточность состояла в том, что он почему-то ориентировался не на мой, а на свой рост. Пытаясь надеть на себя сарафан, потом рубаху, я чуть не заплакала от огорчения.

Когда я застряла головой в узкой прорези рубахи, из окна послышался знакомый голос. Евстигней был доволен и едва ли не горд собой:

– Ну, вот видите, все купил, как и обещал!

– Спасибо, только лучше оставьте это себе! – в сердцах ответила я, уже окончательно переставая обращать внимание на то, в каком виде я все время предстаю перед ним.

Похоже, до него дошло, что с одеждой что-то не так, и когда я с трудом, освободила голову от рубашки, он, от греха подальше, прыгнул с подоконника во двор и оттуда повинно сказал:

– Ничего страшного, я сейчас схожу и все поменяю. А лучше, давайте пойдем в лавку вместе, чтобы сто раз попусту не бегать.

– А как же арест! – окончательно рассердилась я. – Что, если меня хватятся и подумают, что я убежала?

– Ну и что, арестуют снова и все дела. Да и кто вас хватится, после вчерашнего ужина еще все спят, если мы потопимся – вполне успеем.

– А где здесь лавка? – не в силах устоять против искушения, спросила я.

– Недалеко, в селе, минут за десять дойдем.

– Кто же открывает торговлю на рассвете? – усомнилась я.

– Здесь, в Комарово, люди встают очень рано, – лукаво ответил он.

Мне так хотелось, наконец, обрести подходящую одежду, что я не устояла.

– Ладно, пошли. Подождите минутку, я сейчас буду готова.

Надев платье и сапожки, я связала в узелок неудачные об-

новы, вылезла из окна и следом за Евстигнеем побежала к ограде. Мы пролезли сквозь щель в частоколе и направились к недалеким от усадьбы крестьянским избам. Было еще совсем рано, село только просыпалось, и я удивилась, почему в такое время уже открыта лавка.

Мы вышли на сельскую дорогу и, обогнав стадо коров, быстро пошли к центру. Село оказалось не из бедных с хорошими избами и аккуратными изгородями. Во всем чувствовался немецкий порядок. Когда мы подошли к лавке там, несмотря на раннее время, толпилось довольно много народа.

– Что это они здесь делают? – спросила я Евстигнея.

– Думали, что начался пожар, – хладнокровно объяснил он. – Кто-то ударил в набат вот все и сбежались.

Мне стало понятно, как он в такую рань сумел купить мне одежду. Мы прошли сквозь толпу крестьян, и вошли в лавку. Заспанный хозяин узнал Евстигнея, без интереса посмотрел на меня и начал ругать баловников, зря разбудивших ни свет, ни заря все село. Договориться с ним оказалось несложно. Я вернула неподходящие вещи, подобрала себе рубашку, сарафан и кое какие мелочи, расплатилась и спустя час мы уже вернулись назад, в имение. Когда я тем же путем, что ушла, через окно забралась в свою комнату, из моих стражей еще никто не успел даже проснуться.

Нехитрая история моего короткого побега не стоила бы того, чтобы о ней рассказывать, но в то утро я запаслась са-

мым лучшим оружием против всех напрасных обвинений, к тому же это был последний день моей относительной свободы. К вечеру мы уже въехали в Петербург, и скоро я стала настоящей пленницей.

Города не видела. Только слышала, как окованные железом колеса и стальные подковы лошадей гулко стучат по брусчатке столичных улиц. Я, сжавшись в комочек, сидела в темной карете, с плотно зашторенными окнами и трусила.

Вяземский еще во время дневного кормления лошадей сказал, что ему предписано привезти меня в Зимний дворец. Мои спутники наперебой старались оказывать мне знаки внимания и хоть как-то ободрить. Я видела, что все меня жалеют и хотят помочь, но никто не знает, что нужно для этого сделать. Потом я простилась со всеми поочередно и села в карету. Больше встретиться со своими вынужденными тюремщиками мне не довелось.

Мы долго ехали по мощеным улицам, потом четверть часа стояли на месте, как я догадалась, перед какими-то воротами, въехали во двор и, наконец, окончательно остановились. За стенками кареты была слышна чья-то негромкая речь. Потом я услышала, как Вяземский отдал команду, и лошади моих кирасиров зазвенели копытами по каменной мостовой.

После этого довольно долго ничего не происходило. Я вслушивалась в незнакомые звуки, но там, в дворцовом подворье, судя по всему, текла обычная ночная жизнь.

Мой приезд не вызвал ни у кого никакого интереса. Я попыталась ловить мысли окружающих. Какой-то, оказавшийся неподалеку человек, скорее всего часовой, лениво отметил про себя, что в карете привезли какого-то преступника и начал вспоминать о недавнем свидании с женщиной. Он мысленно корил ее за плохой прием, скаредность и подозревал в неверности.

Прошло никак не меньше часа, когда, наконец, открылась дверца кареты и в нее заглянула полная старуха в ватном салопе и оборчатом парчовом чепце. Она была со свечой в руке. Всунав ее внутрь кареты, она подслеповато уставилась на меня, осветила лицо и велела выйти наружу. Я молча повиновалась.

Была поздняя ночь. Старухе хотелось спать, и она сетовала, что еще за доука свалилась ей на голову и как бы скорее от меня отделаться. Я вышла, встала на каменную брусчатку двора и осмотрелась, куда забросила меня судьба. Карета стояла в каком-то дворовом закутке, со всех сторон огороженном стенами кирпичного здания с красивыми окнами.

– Ну, что встала столбом, нечего глазами зыркать, – рассердилась старуха, – еще будет тебе время наглядеться!

Приструнив меня, она плотней запахнула от ночной сырости ватный салоп, и пошла вперед, показывая дорогу.

Мы поднялись на невысокое крыльцо, вошли в помещение и начали подниматься по крутой каменной лестнице. Провожатая шла медленно, через каждые несколько ступе-

нек останавливалась и боролась с одышкой. Я пока не произнесла ни слова, еще не зная, как себя вести в новой обстановке. Старуха, казалось, про меня забыла, думала о своих больных ногах и о том, что с каждым разом ей все труднее подниматься по лестницам.

Наконец мы добрались до самого верха, там, где лестница кончалась небольшой площадкой. Провожатая последний раз постояла на месте, восстанавливая дыхание и, наконец, обратила на меня внимание:

– Что, девка, плохо за старыми людьми по лесенкам бегать?

Я удивилась такому обращению. За последнее время уже привыкла, что меня называют сударыней, но тотчас догадалась, почему моя спутница ошиблась. Я как надела купленный утром сарафан, так в нем и оставалась.

– Чего в том плохого, бабушка, все когда-нибудь будем старыми, – в тон ей ответила я.

– Будете, если доживете, – с внутренней усмешкой подтвердила она.

Такое начало пребывания во дворце мне не понравилось, но я знала, что за ее словами нет никакого особого смысла, и согласно кивнула головой.

– Ладно, чего тут стоять, пойдем, покажу, где ты ночевать будешь, – сказала она и отворила дверь в какой-то длинный, темный коридор.

Мы прошли мимо нескольких закрытых дверей, и оказа-

лись в узком тупичке оканчивающимся дверью.

– Вот здесь пока и поспишь, – сказала старуха.

Она отперла замок, и мы вошли в крохотную комнату, с маленьким окошком под самым потолком. Я окинула взглядом свое новое жилище. Кроме стоящей на подоконнике оплившей сальной свечи в жестяном подсвечнике смотреть тут было нечего. Из мебели тут был только узкий тюфячок без одеяла и подушки, лежащий прямо на полу.

– Это и есть твои дворцовые хоромы, – сказала старуха, пропуская меня внутрь. – Очень захочешь выйти по нужде, постучи в дверь, я сплю рядом, в соседней светелке. Но зазря меня не буди, я этого не люблю!

– Хорошо, бабушка, – сказала я. – Только меня целый день не выпускали из кареты и мне бы лучше...

– Ну что за народ бестолковый! Ты что, не могла сказать раньше?! – рассердилась она.

– Так ты меня не спрашивала, – покаянно ответила я, – чего ж мне было поперек батьки лезть в пекло!

Старуха хотела рассердиться, но раздумала и, ворча больше для порядка, отвела меня в здешнее отхожее место.

Пока она меня ждала, вспоминала свою молодость. Я чем-то ей напомнила саму себя много лет назад. Из ее воспоминаний я узнала, что в царское услужение она попала юной девушкой прямо из деревни. Понравилась какому-то Ивану Ивановичу, о котором старуха вспомнила мельком и с неудовольствием. Он привез ее в Петербург и целый месяц про-

держал в своих любовницах. Когда она ему наскучила, пристроил в ученицы к горничной. Больше ничего интересного о ней я узнать не успела. Старуха начала сердиться, что я заставляю ее долго ждать, и мне пришлось поторопиться.

Пока меня не было, она окончательно проснулась и ее потянуло на душевный разговор. Он довела меня до «узилища», но сразу не ушла, а осталась поболтать. По сарафану и косе она определила мою крестьянскую принадлежность и ошибочно решила, что меня привезли на потеху какому-нибудь вельможе.

– Ты девка, ничего такого о себе не думай, – подпирая плечом стену моей каморки, поучала она. – Как ты есть особа женского звания, то должна терпеть и смириться. Такая, видно, наша бабья судьба. Не ты первая, не ты последняя. Я сама в молодости была красавицей и за это много претерпела, зато сладко ела и мягко спала. Мной иной раз даже генералы не брезговали! Как-то сам светлейший князь Григорий Александрович Потемкин меня заметил, здесь пощупал, – она указала на объемную грудь, – по заду похлопал и велел явиться к нему ночью с докладом!

От удовольствия памяти она прищурила глаза, потом вздохнула и рассказала конец истории:

– Не отправь его государыня тем же днем в военный поход, я бы могла далеко пойти! Теперь, глядишь, сама бы в золоченых каретах разъезжала.

Она опять горестно вздохнула, сожалея о потерянной бле-

стоящей возможности сделать карьеру. Потом вспомнила о своих больных ногах, одышке и прошедшей жизни, зевнула, вежливо прикрывая рот ладонь, перекрестилась и совсем иным тоном заговорила о настоящем:

– Ну, ладно, поздно уже, ложись спать. А то спадешь с лица, твой-то от тебя и откажется. Знатным мужчинам что подавай – чтобы барышня была худая и бледная, а девка краснощекая и тугая. С той он будет лансье и котильон на балу отплясывать, а с тобой в постелях греться.

Она добродушно рассмеялась дробным смешком.

– Государь, правда, это не особо одобряет, но своим любимцам девок портить не препятствует. Тебя к кому определили? – не сдержала она любопытства.

Пока она учила меня жизни, я никак не могла решить, кем мне здесь представиться. Скорее по наитию, чем по здравому разуму, решила: пока не узнаю, за что меня арестовали, прикидываться глупой овечкой. Поэтому и ответила соответственно:

– Ничего я не знаю, бабушка. Они прискакали, да меня, не спросивши, в карету впихнули и повезли неведомо куда. Я до сих пор даже не знаю, куда попала. Хорошо хоть ты чуток объяснила, а то я думала, что так и пропаду в неведение.

– Так ты, дуреха, даже не знаешь, где находишься? – поразила она.

– Откуда мне знать, бабушка, я баба деревенская, темная, даром, что второй раз замужем, а ничего толком о жизни не

знаю.

– Ты уже второй раз замужем? – удивившись без меры, повторила она за мной. – Когда ж ты успела?

– Так жизнь сложилась. Сначала барин за своего камельдинера отдал. Только муж и не пожил со мной толком, взял, да и помер. А потом меня за себя вольный взял. И с ним не судьба оказалась. Медовый месяц еще не прошел, как прискакали солдаты на лошадях, схватили, впихнули в карету и привезли неведомо куда. Ты, милая бабушка, хоть скажи, где мы теперь находимся, в нашем царстве или за тридевять земель в тридесятом государстве?

От такого замысловатого рассказа у старухи глаза полезли, что называется, на лоб. Она сняла с высокого подоконника подсвечник и, светя мне в лицо, всю внимательно рассмотрела.

В голове у нее сразу возникло столько самых невероятных предположений на мой счет, что я не успевала за ними следить. Наконец она пришла к единственно правильному и мудрому выводу, не лезть в чужие темные дела и держаться подальше от странной молодки.

– В нашем ты царстве, милая, – успокоила она меня, – насчет этого не сомневайся. Ты, поди, с дороги устала? Нечего нам с тобой здесь сумерничать, вон твое место, помолись богу, да спать ложись, а мне идти пора. Если что, покличь Маланью Никитичну, это я и есть.

Она вышла и заперла снаружи дверь. Как посоветовала

старуха, я встала на колени и помолилась Господу за спасение и здоровье себя и своего будущего ребенка. Потом положила под голову узелок со своим «дворянским» платьем, легла на тощий тюфячок и попыталась уснуть. Так началось мое дворцовое заключение.

Глава 5

Утром за мной пришла все та же Маланья Никитична и отвела в другое помещение. Теперь меня поместили в хорошую комнату с двумя полатами, большим дубовым столом и красивыми резными стульями. Я пока оставалась под старухиным надзором. Как обычно бывает в большом хозяйстве, правая рука не ведаёт, что делает левая. Кто и зачем приказал привести девушку из далекой провинции, исполнителям сказать забыли. Судя по тому, что Маланье Никитичне удалось разведать, моего появления в Зимнем дворце никто не ждал и слуги ее «подразделения» не знали, что со мной делать и кому следует доложить о появлении странной пленницы. Старуха даже пыталась выяснить это у меня самой.

– Ты вспомни-ка, вспомни, Алевтинка, кто тебя из знатных господ приметил, – выпрашивала она, когда мы разместились в нашей новой комнате. – Может, какой вельможа мимо проезжал, да тебя увидел?

– Нет, бабушка Маланья Никитична, никакого вельможи у нас не было. В наших местах вельможи не водятся. Есть, правда, один старый генерал с женой, но он меня никогда и в глаза не видел.

– Может быть, ты что-нибудь нехорошее о нашем государе сказала? – перешла она от любовной причины к политической.

– Так я ничего такого и не знаю, как же плохое говорить, когда я даже имени его отродясь не слышала, – отказалась я.

– Как это так – не слышала? – поразились старуха.

– А на что он мне? У меня свой барин был, вот я его и знаю. А царь-государь это дело умственное, простому человеку, тем более бабе, недоступное, – продолжила я линию глупой овцы.

– Это, положим, ты права, – не смогла не согласиться старуха. – Нечего каждому смерду о самом государе рассуждать, наш император не просто так, а бери выше, политика. Простому человеку о нем и думать нечего, ему нужно исполнять, что велят, за все господ благодарить и богу молиться. С него и этого хватит.

– Так и я о том же, бабушка, нам, холопам, что ни поп, то батька, – согласилась я. – Я свое место знаю и всегда понятие имею!

– Вот и я в этом же рассуждении, но все одно, никак не пойму, чего это тебя, будто самого Емельку Пугачева, под такой охраной привезли. Может, ты бунт затевала? – спросила она и сама засмеялась над глупостью такого предположения.

– Нет, я мужняя жена и свой долг понимаю, – сделав вид, что даже не поняла, о чем она спрашивает, ответила я. – Мне что муж велит, так я себя и понимаю.

– А кто муж-то твой? Может он, какой, государев послушник?

– Как можно, бабушка, он простой лекарь, хотя из благо-

родных. Его сам наш владыка уважает!

— Как это — из благородных? — удивилась она. — Он кто, офицер или чиновник?

— Этого я тоже не понимаю, только знаю, что дворянин.

— Дворянин?! — закатилась старуха. — И на тебе женился? Он что, просто так не мог тебя еть?

— Мог, конечно, наше дело подневольное, что господа скажут, то и делаем. Только его сам владыка за блуд укорил, и он тогда по обычаю на мне женился, — как могла просто объяснить я обстоятельство своего замужества.

— Господи, что ж такое на свете делается! — поразились Маланья Никитична. — Совсем люди страх и совесть потеряли. Чтобы из-за такой глупости благородному на холопке жениться! Этак я бы хоть сто мужей имела. Нет, видать, совсем последние времена наступают! Уже ничего у людей святого не осталось!

Я не сразу догадалась, из-за чего так разволновалась старуха. Потом поняла, она переживает из-за упущенных возможностей стать дворянкой и ездить в золоченой карете.

— Что ж в том плохого, что он на мне женился? Я не какая-нибудь там, а тоже божий страх имею, — сказала я, чтобы отвлечь ее от грустных мыслей.

Сама же в это время думала, что самое приятное в наших женских разговорах, это когда одна собеседница говорит об одном, другая совсем о другом и, тем не менее, обеим все понятно!

Узнав о том, что я как бы выше ее по социальному положению, Маланья Никитична сначала насторожилась, но я вела себя, как положено простой девушке, никак перед ней не заносилась и она вернула мне свое расположение.

— Повезло тебе, Алевтинка, видать, хороший человек твой муж, если владыку послушался и на простой девке женился, — вздохнув, сказала она. — Мне такого не подалось. Тешились, пока не прискучу, а потом хорошо, если ситца на сарафан подарят. Мужчины только когда в охоте щедрые, а после всего у них и полушку на булавку не выпросишь.

Я согласно кивала и делала вид, что внимательно слушаю старческую болтовню, а сама обдумывала свое положение. По тому, что я узнала, выходило, что непредвиденная смена моих тюремщиков запутала все карты. Надворный советник Ломакин подчинялся какому-то Платону Петровичу, который обвиняком приказал ему меня убить. Татищев, просто исполнял приказ кого-то из высших сановников, и надзирал за полицейским чиновником, Вяземский вообще имел о моем аресте самое общее понятие и исполнял приказ только своего командира полка.

Теперь, в точности исполнив поручение, он вернулся в полк и о моем появлении во дворце знает в лучшем случае его полковое начальство. Получалось, что пока мне следовало бояться только некоего полицейского Платона Петровича, начальника Ломакина и таинственного могущественного врага, затеявшего этот непонятный арест. Кто им мог быть, я

могла только гадать. Одно было несомненно – это была пер-
сона из самых первых в империи.

– А ты, если присмотреться, не очень и фигуристая. Я в
молодости куда краше тебя была, – продолжала обсуждать
задевшую ее тему Маланья Никитична. – Да и в постелях
мужчине что от девчонки прока, одна только фикция и сле-
зы. А которая настоящая баба, та огонь! Никакой порох не
сравнится! Помню, я как-то махалась с армейским полков-
ником Иваном Абрамовичем, он так и говорил: «Ты, Мала-
нья, как мина под городской стеной, после тебя одни голо-
вешки остаются. С тобой ночь проведешь, к жене и неделю
подходить неохота». Вот, а ты мне говоришь!

Я ничего ей не говорила, но чтобы задобрить старуху, со-
гласно кивала головой. Слушать ее было не интересно. Ско-
ро она начала повторяться и говорила примерно одно и то
же, раз за разом рассказывая и о Светлейшем князе Потем-
кине, и о неведомом полковнике, сравнившем ее с миной.

Время между тем шло. Мною никто не интересовался и
постепенно я начала привыкать и к комнате, и к старухе. В
обед нам принесли еду прямо в комнату. Кормили во дворце
сытно, но невкусно. Я столовалась, как простая особа, вме-
сте со слугами. Маланья Никитична, найдя во мне безотказ-
ную наперсницу, принялась рассказывать мне обо всей своей
жизни. Слушать ее воспоминания было скучно, но деваться
было некуда и приходилось внимать старицкой мудрости.

Жизнь ее во дворце была бедна внешними событиями, но

очень насыщенная, и состояла в молодости из любовных историй, в зрелости – из интриг. Слуги жили своей замкнутой жизнью, составляли партии, группировки, которые постоянно враждовали друг с другом. Мне не было никакого дела до их счетов и отношений, но именно интриги больше всего занимали мою надзирательницу.

В приятной компании с Маланьей Никитичной я провела целую неделю и узнала от нее подноготную о большинстве вельмож и царедворцев Российской империи. Обо мне пока никто не вспоминал и начало казаться, что арест и длительное путешествие останутся единственными результатами этого странного происшествия. Однако в одночасье все вдруг поменялось.

Ранним утром, только мы со старухой встали и умылись, в коридоре за нашими дверями началась непонятная суеда. Маланья Никитична, хорошо знавшая местные нравы, испугалась, вскочила и, прикрикнув на меня, начала суетливо прибираться в комнате. Я спросила, что случилось, но она только шикнула на меня и велела поторапливаться. Не успели мы навести хоть какой-то порядок, как дверь без стука распахнулась, и на пороге показался маленького роста человек в военном мундире. От неожиданности мы обе вскрикнули, после чего моя матрона раболепно склонилась до земли в самом почтительном поклоне. Мне, чуть запоздав, пришлось последовать ее примеру.

Нежданный гость на наши поклоны не ответил и уставил-

ся на меня буравчиками бешеных глаз. Мне стала страшно. Гость казался чем-то страшно раздосадован, и его непонятная ярость буквально прижала нас со старухой к паркету.

– Это что еще такое! – закричал он высоким голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.